

Проект «Планета молодых»

Место под звёздами

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Литературный конкурс 2012 год

Проект «Планета молодых»

Коллектив авторов

**Место под звёздами: сборник
фантастических рассказов**

«Новая Реальность»

2013

авторов К.

Место под звёздами: сборник фантастических рассказов /
К. авторы — «Новая Реальность», 2013 — (Проект «Планета
молодых»)

В 2012 году Корпорация «Развитие и Совершенствование» совместно с издательством «Новая Реальность» провела второй ежегодный Всероссийский конкурс фантастических рассказов среди начинающих авторов. На конкурс было представлено 35 произведений в четырёх номинациях. В номинации «Через тернии к звёздам» победителем был признан рассказ В. Казарцева «Сказки старого Вика». В номинации «Обретение мира» 1-е место занял рассказ В. Казарцева «Обретение мира». Победителем в номинации «Предел прочности» стал одноимённый рассказ С. Белаяра. И наконец, в номинации «Другие миры» победителем признан рассказ И. Корневской «Плата за счастье». Вниманию читателей предлагаются конкурсные работы.

© авторы К., 2013

© Новая Реальность, 2013

Содержание

Георгий Миронов. Многообразие миров (Предисловие к сборнику)	6
Раздел 1	9
Сергей Белаяр	9
Самый первый	9
Один шанс на миллион	12
Ксеноморф	16
Вадим Громов	20
Взгляд	20
Розыгрыш	25
Валерий Казарцев	28
Место под звёздами	28
Глава 1	28
Глава 2	33
Эпилог	37
Я – геронт	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Место под звёздами

Сборник рассказов молодых авторов в жанрах фэнтези и научной фантастики

Проект «Планета молодых»

под редакцией С. В. Барановой

Издание осуществлено при поддержке Корпорации «Развитие и Совершенствование»

Главный руководитель проекта «Планета молодых» – *Георгий Ефимович Миронов*

Руководитель проекта «Планета молодых» – *Светлана Васильевна Баранова*

Георгий Миронов. Многообразие миров (Предисловие к сборнику)

В середине прошлого XX века, изучая в тиши читального зала Академии наук эстетические воззрения французских философов, я поразился, сколь близко моему мировоззрению многомерное восприятие мира Мишелем Эйкемом де Монтенем.

В середине XVI века в замке Монтень он писал о том, что волновало и меня в его возрасте, – в другой стране, в иную эпоху, при ином менталитете...

И ведь действительно: каждый человек – особый мир. Он вступает в некие отношения с мирами других людей, но он – самодостаточен. Сколько миров, столько людей, и наоборот. Гибнет человек – умирает его мир.

Как правило, ещё в юности мы задумываемся над взаимоотношениями миров.

Потом неизбежно приходим к вопросу – одни ли мы во Вселенной?

И ещё в юности мечтаем – «достучаться до небес!»

Заглянуть за край Ойкумены!

Понять – что там? кто там? Как иные – вне Земли – миры соотносятся с нашим?

В серии «Планета молодых» мы выпустили несколько книг – это и стихи юных поэтов, и сказки совсем молодых литераторов. Они добросовестно пытались понять мир, окружающий их, чтобы сдать ЕГЭ, а сами самозабвенно погружались в придумывание иных миров, совершали отчаянные попытки проникновения в тайны этих миров, рассказывая о жизни иных планет и измерений, пытались понять мир, в котором живут.

Публиковали мы и книги о молодых поэтах, художниках, философах, воспринимая каждого из них как самостоятельную планету, отдельный мир (например, «Планета Дато» – о грузинском поэте и художнике).

Стремясь предоставить максимально большое информационное пространство, литературное поле – возможно большему числу молодых талантливых людей, Корпорация «Развитие и Совершенствование», занимающаяся прежде всего нравственным и физическим совершенствованием молодёжи, формированием здорового образа жизни и «здорового образа мысли», всё чаще отходила от попыток раскрыть персоналии, всё больше понимая перспективность издания сборников произведений талантливых авторов.

Так родилась и идея всероссийского конкурса молодых литераторов.

Мы убеждены, что сам факт победы в таком престижном конкурсе, сама публикация их произведений в репрезентативном сборнике – уже и признание, и школа, и «мастер-класс», и победа.

Данный сборник предоставляет информационное и литературное пространство авторам научно-фантастических произведений. По сравнению с годами моей молодости, пришедшейся на середину 50-х – 60-е годы, сегодня фантастика уступает лидерство иным жанрам. Но по-прежнему именно фантастика позволяет ищущему ответы на главные вопросы жизни человеку сформулировать (вначале для себя, потом и для потенциальных читателей) своё понимание мироздания.

При всей условности деления научной фантастики на отдельные направления мы выделили несколько номинаций конкурса и, соответственно, несколько разделов сборника. Это позволило расширить число претендентов.

В заголовок сборника мы вынесли по традиции название одного из публикуемых рассказов, красноречиво отражающее концепцию проекта.

Традиционно самый большой раздел сборника включает в себя произведения, посвящённые тем или иным аспектам освоения Космоса. Здесь читатель встретит новые работы уже знакомого автора – Сергея Белаяра.

Искушённый читатель, строго оценивая представленные работы, отметит такую тенденцию: много отличных замыслов, идей. Редко авторам удаётся развить прекрасный этюд в написанное в одном ритме и в рамках продуманной композиции повествование. Впрочем, авторы – в пути. А ведь прежде всего ради поиска новых идей и затевали мы и этот конкурс, и этот сборник. «Этюдность» характерна и для некоторых произведений мастеровитого С. Белаяра, и для лишь открываемого читателями автора – В. Громова.

Предлагаемый в этом разделе сборника рассказ В. Казарцева «Место под звёздами» – одно из наиболее зрелых произведений этого автора. К сожалению, он не мог быть рассмотрен Оргкомитетом конкурса, поскольку был представлен вне временных рамок (спустя месяц после окончания приёма конкурсных работ).

Зато два других рассказа этого автора – «Я геронт» и «Сказки старого Вика» – порадовали и организаторов конкурса (рассказы претендуют на победу и в номинации, и в целом в конкурсе), и читателей – все условия предоставления работ на конкурс были соблюдены... «Я геронт» – отличный, «мускулистой» прозы, рассказ: чёткий и жёсткий, оригинальный по замыслу и профессионально сделанный «мужской» рассказ. Хороши по замыслу, композиции, ритму, стилю и «Сказки старого Вика». Привлекает ключевой тезис автора: «Во Вселенной есть только один вид разумных существ, способных пожертвовать жизнью ради спасения других...»

Литературные гурманы непременно отметят: после чтения рассказов В. Казарцева и С. Криворотова остаётся эмоциональное и интеллектуальное приятное «послевкусие».

Своего читателя найдёт и необычный по замыслу рассказ А. Рубиса «Биомасса». Интересно описаны в рассказе процесс поиска астронавтами верного решения и рассмотренная автором в парадоксальной форме идея неуправляемости и непредсказуемости научно-технических решений. В разделе «Обретение мира» (я уже писал выше об условности распределения рассказов по разделам сборника и номинациям конкурса) читателя привлекут добротные выстроенные, изящные рассказы Г. Авласенко «Берёзка» и особенно «Ему легко говорить...», не оставит равнодушным читателя и изящная, «женская», лирическая зарисовка А. Гамерник «История двух звёзд».

Три рассказа в этой номинации и в этом разделе сборника хотелось бы отметить персонально.

«Обретение мира» В. Казарцева – один из немногих присланных на конкурс рассказов, который выходит за пределы жанра. Это интересно преподнесённая простая человеческая история, добротная проза. Герои рассказа – и реальные, «из жизни», и фантастические, полностью продуманные, легко и грациозно входят в мир читателя. Рассказ претендовал на победу в этой номинации.

Наверняка расширится круг поклонников И. Корнилова после публикации его рассказа «Последний экзамен». Хороший рассказ и гениальная концовка. Ради того, чтобы внедрить в сознание читателя эту простую мысль: «любого зверя, живущего в тебе самом или иной галактике, – можно победить любовью», – и пишутся сотни книг, в том числе научно-фантастических.

Рассказ Н. Федоровской пугающе прост. И обезоруживающе привлекателен по мысли и литературному воплощению. В нём есть то лучшее, что привносят в литературу женщины, – изящество.

Свои достоинства читатели отметят в рассказах С. Белаяра и И. Корневской (выделенных в самостоятельный раздел «Предел прочности»), – «Ночь не вечна» и «Дойти до конца». У рассказов общее достоинство – динамика повествования, напористость сюжета, ритм, и общий

недостаток – некая недосказанность, что создаёт ощущение вторичности. В разделе представлен лучший, на мой взгляд, рассказ Сергея Белаяра в этом жанре – «Предел прочности», отмеченный Оргкомитетом конкурса.

«Специальный раздел» включает в себя добрые (даже если «страшненькие») сказки, «фэнтези», детские фантазийные рассказы И. Корневской. Кажется, даже скупой пересказ этих новелл может быть интересен. «Обречённые на шанс» – о замораживании людей на десятилетия и века с целью излечения от тяжких болезней на новом витке развития науки писали многие. У И. Корневской пациентов будят, размораживают, – не для спасения благодаря новым открытиям в медицине, а просто потому, что мир вокруг них, загнанный безудержным развитием цивилизации, гибнет. «Плата за счастье» – нежный, «женственный» рассказ по форме – об ангелах, по сути – о любви. Ангел теряет крылья, но находит любовь... В рассказе «Радость Ангела» милая девочка Алина приходит к простому, но полному великого смысла выводу: «Счастье, которым не можешь поделиться, теряет свою прелесть».

Полон парадоксов интересно задуманный сюжет рассказа И. Корневской «Другой мир», давший название раздела (номинации) и позволивший И. Корневской стать победителем в этой номинации. Временной сдвиг, ошибка в перемещении во времени и в разных измерениях описаны столь занимательно, что читатель вправе ждать от автора развития сюжета.

Найдут своего читателя и другие рассказы этого раздела.

Предлагаемый сборник научно-фантастических рассказов оставит у вас двойное впечатление – интереса к теме и – к авторам, их судьбе, развитию и совершенствованию их литературного мастерства. Используя название одного из рассказов этого раздела, можно сказать, что организаторами конкурса и составителями сборника проделана «Работа Амура». Познакомившись с этими рассказами, вы ещё больше полюбите научную (да и не научную) фантастику и её создателей, людей парадоксально мыслящих, умеющих видеть удивительное – рядом, и постигать тайны мироздания далёких-далёких миров.

Георгий Миронов,

Почётный академик РАЕН, член Союза писателей, лауреат литературных конкурсов, член Международного ПЕН-клуба, действительный член Академии российской словесности, доктор исторических наук, профессор

05.01.2013

Раздел 1

Через тернии к звёздам

Сергей Белаяр

Самый первый

5 ноября 1957 года

Космический корабль «Коммунар» уносило в открытый космос. Из-за неправильно рассчитанного угла выхода на орбиту и слишком высокой скорости ракеты-носителя Р-7, погасить которую с опозданием сработавшая тормозная двигательная установка так и не смогла, апогей оказался гораздо выше запланированного. В результате «Коммунар» не удержался и устремился в космическое пространство.

Перегрузки едва не раздавили космонавта. Сферическая форма кабины оказалась не такой уж и удачной. Разработчики «Коммунара» сконструировали корабль с таким расчётом, чтобы он мог выдержать баллистический спуск, но не могли предположить, что их детище разовьёт ускорение, в 8-10 раз превышающее земное. Даже богатая фантазия академика Королёва была не в состоянии предусмотреть всего. Ведь знания конструкторов были чисто теоретическими, потому что люди никогда не покидали Земли.

«Коммунар» не выдержал запредельных нагрузок. Его многочисленные поломки стали платой за форсированные сроки сдачи космического корабля. Напряжённая конкуренция в области освоения космического пространства между СССР и США лишь только набирала обороты. Новейшие технологии могли служить и мирным, и военным целям. Являясь весомым аргументом для пропаганды, они демонстрировали не только научно-технический потенциал, но и военную мощь страны. Лидерство являлось делом престижа. Статус космической державы стоил дорого. На кону стояли слишком высокие ставки – весь мир смотрел на две империи, выбирая, к какому лагерю присоединиться.

Создатели работали в условиях жёсткого лимита времени. Старались успеть построить космический корабль до того, как это сделают «янки». Сутками не выходили из конструкторских бюро и заводских цехов.

При постройке «Коммунара» был выбран ряд неоптимальных, зато несложных и быстро осуществимых решений. Некоторые компоненты не успевали создать, поэтому от них пришлось вовсе отказаться. Часть оборудования, приборов и материалов не прошла полного курса тестирования. Учёные не раз напоминали, что безумная спешка не приведёт ни к чему хорошему, но члены ЦК не хотели ничего слышать. Им важен был результат. Человеческую жизнь никто не принимал в расчёт...

Тряска, шум, вибрация.

Ощущения были сродни тем, которые двадцатисемилетний капитан, командир авиационного звена истребительной эскадрильи Василий Петрович Дерюгин переживал на испытаниях. В распоряжении специалистов имелось слишком мало достоверных данных о воздействии факторов космического полёта на живой организм и практически никакой информации о воздействии этих факторов на организм человека. Поэтому, перестраховываясь, учёные подвергали членов Эскадрильи № 1 различным испытаниям, многие из которых мало чем отличались от пыток.

Лишь крепкое здоровье лётчика-истребителя МИГ-17, повышенная выносливость к физическим и психическим нагрузкам, большой запас резервных способностей организма позволили капитану Дерюгину выдержать проверку. Членов Эскадрильи набирали среди лётчиков-истребителей. Так решил Королёв, считавший, что именно такие пилоты уже имеют опыт перегрузок, стрессовых ситуаций и перепадов давления. Кандидаты на роль космонавтов отбирались на основании целого ряда параметров, плюс характеристика с места службы и обязательное членство в КПСС. Непосредственно лётные качества не играли решающей роли. Из пятнадцати человек к подготовке к полёту приступили лишь пятеро. Из них к старту остались двое: Василий Дерюгин и Глеб Красносельцев. Николай Уманский был отчислен по медицинским показаниям, Руслан Фомичук получил травму позвоночника, а Александр Трихин погиб при катапультировании.

Командир звена был безумно счастлив, узнав, что его признали годным. Но ещё большую радость вызывало осознание того, что ему – сыну токаря и учительницы – оказана высокая честь стать первым, кто прикоснётся к звёздам.

Подготовка полёта проходила ускоренным темпом. Президиум ЦК КПСС ставил перед конструкторами задачу запуска космического корабля с человеком на борту раньше американцев. Поэтому лётные испытания планировались так, чтобы сразу после полётов животных стартовал *Homo sapiens*. После триумфа первого искусственного спутника Земли спасти честь США мог только первый полёт человека в космос.

Безумная, выматывающая гонка...

Василий Дерюгин валился с ног от усталости, с трудом добираясь до кровати. Дни и ночи превратились в дикий хоровод: физическая подготовка, закаливание организма, учебно-тренировочные полеты на МИГ-15, многочисленные медицинские обследования, парашютные прыжки, катапультирования, вестибулярные исследования и тренировки, полёты на невесомость, углубленные клинико-физиологические обследования, вращения на центрифуге, парашютная подготовка, барокамеры, термокамеры...

Капитан не роптал. Не в его характере было пасовать перед трудностями. Этого бы не понял отец и не одобрила мать. О своём выборе – стать космонавтом – Василий никогда не сожалел. Не колебался даже тогда, когда видел смерть товарищей. Лучшим стимулом являлась любовь к Родине. Капитан несказанно гордился тем, что он – советский человек, представитель самого прогрессивного государства. Он был счастлив от того, что именно ему выпала честь стать первым. Офицера вели долг, честь, сознательность, готовность к самопожертвованию и стремление отдать делу всего себя. Иначе и быть не могло. Потому что так его воспитали не только родители, но и школа, и армия. Таким было его кредо и в лётном училище. Так завещал великий Ленин...

О лишениях и тяготах Дерюгин думал меньше всего. Его мысли занимало лишь то, что Родина выбрала его. Сердце колотилось о рёбра. Василию казалось, что он сойдёт с ума от счастья. Ловя на себе завистливые взгляды Красносельцева, учёных, техников и самого Королёва, капитан никак не мог дождаться старта. Считал дни, часы, минуты, секунды. Боялся, что в последний момент начальство передумает и заменит его кем-нибудь. Василий с огромным облегчением выдохнул, лишь когда ракета-носитель оторвалась от Земли.

Когда Земля в иллюминаторе «Коммунара» начала превращаться в шар, Василий с трудом сдержал рвущийся из груди крик радости. По этой причине он не сразу понял, что скорость слишком велика. Когда пришло осознание аварии, было поздно. Огромная скорость, быстрый нагрев корабля, а затем его охлаждение привели к тому, что «Коммунар» пошёл вразнос. После резкого хлопка, который ознаменовал выход в открытый космос, аппаратура «свихнулась». Замигали тревожные огоньки. Их было так много, что Василий не знал, за что хвататься в первую очередь. К счастью, сформированные тренировками рефлексy сработали быстрее, чем мозг осознал всю серьёзность ситуации.

Космонавт попробовал вернуть контроль над приборами, но система не отозвалась. Затем он попытался активировать ручное управление. И снова ничего не получилось.

Солнце, Земля и звёзды мелькали за кварцевым стеклом то одного, то второго иллюминатора. Космонавт только успевал закрываться рукой, чтобы яркий свет не слепил глаза.

Приказав себе сохранять спокойствие, Василий глубоко вздохнул и снова стал реанимировать управление кораблём. Первый укол страха был слабым и почти не ощутимым. Но вслед за первым последовал второй, куда более сильный и чувствительный – за «Коммунаром» тянулся длинный белёсый шлейф...

Пробитый воздушный бак грозил скорой смертью. Усилием воли Дерюгин поставил на пути паники щит и приказал себе соответствовать высокому званию советского человека.

Помогло, но, к сожалению, ненадолго. Космический корабль уходил от бело-голубого шара, и сила самовнушения ослабевала.

Василий схватился за радио, чтобы попросить помощи, которую ждать было неоткуда. Правительство и Партия не будут посылать за неудачником второй корабль. Так что не стоило обманывать себя.

Осознание неутешительного факта обожгло сознание. На миг в глазах потемнело. Принять реальность оказалось не так-то просто. Но и этот удар командира не подкосил – из любого положения всегда можно найти выход. Главное – не опускать руки. Если уж нельзя попросить о помощи, можно затребовать инструкции.

– Земля, это «Коммунар»! Ответьте!.. – позвал Василий, но никто не откликнулся. – Земля, приём!

В ответ лишь треск статических помех. Волна паники захлестнула мозг, тело покрылось холодным и липким потом. Дерюгин до хруста в пальцах сжал радио и не своим голосом повторил вызов. Молчание.

– Земля, это «Коммунар»! Ответьте!.. Земля, вы слышите меня? Приём!

И так раз за разом, с небольшими промежутками времени.

А Макрокосм давил, заставляя чувствовать себя ничтожной тварью. Насмехался над слабостью двуногого создания, посмеявшегося бросить вызов Вселенной. Мысли роились, словно потревоженные пчёлы.

Мысли о смерти были неприятны. И сознание Василия раздвоилось... Одна его часть приняла неизбежное, но другая – без конца вызывала Землю. Инстинкт самосохранения заставлял Василия лихорадочно искать выход из сложившегося положения и верить в то, что всё будет хорошо.

Такова уж человеческая натура – жить даже тогда, когда над твоей шеей занесён топор палача...

– Земля, это «Коммунар»! Ответьте!

Наземный центр молчал.

Василий не заметил, как одинокая слеза скользнула по его щеке. За ней вторая...

Капитан плакал. Ему было жалко вовсе не себя, а космический корабль, вложенный в него труд, потраченные на постройку «Коммунара» народные деньги. Было чертовски обидно, что так и не удалось стать первым, не получилось достучаться до звёзд. И что он оказался вовсе не героем, и никаким не первопроходцем, а обыкновенным человеком со своими страхами и переживаниями. Ему было досадно, что даже самая передовая идеология не смогла изжить из него первобытные инстинкты. Было из-за чего расстроиться...

Смерти офицер не боялся, но одно дело погибнуть в бою от пули, штыка или осколка, и совсем другое – от удушья, не в силах ничего предпринять ради собственного спасения. Такую смерть принять было крайне тяжело. Что может быть хуже бездействия?

– Земля, это «Коммунар»! Ответьте!

Лишь шум в эфире...

Бело-голубой шар становился всё меньше. Несмотря на то что офицер вырос в среде, где культивировалось презрение к смерти, крайне тяжело было смириться с дикой мыслью о том, что жить осталось всего каких-то несколько часов. Запас воздуха в баке системы жизнеобеспечения быстро таял.

Картинка холодного, привязанного к противоперегрузочному креслу трупа, была как живая. Командир звена тряхнул головой, дабы избавиться от неё. Не хватало раньше времени сойти с ума от страха. Впрочем, чем не выход?

Едва подумав о сумасшествии, космонавт сразу же устыдился этой глупости. Василий напомнил себе о том, что даже перед лицом смерти он не должен проявлять малодушие и показывать свою слабость. Ведь слабость – это предательство по отношению к погибшим товарищам, а безволие не красит первопроходца. К тому же, возможно, работает телевизионная система... Даже если оба «Селигера» вышли из строя, есть ещё совесть!..

– Земля, вы слышите меня? Приём!..

Не слышат...

Неожиданно накатила злость. Она несколько прояснила мозг, позволив капитану вспомнить о катапультировании. Вариант не из лучших, потому что Василий не знал, как поведёт себя система в вакууме. Но это был шанс, отказываться от которого он не собирался.

Василий глубоко вдохнул, закрыл глаза и, подготовившись к резкому толчку, рванул ручку.

Ничего...

Люк не вылетел. Кресло осталось на месте.

Огорчение оказалось настолько сильным, что на некоторое время даже заставило позабыть о смерти. Но вскоре мысли о небытии вернулись. Дерюгин никогда бы не подумал, что смерть будет казаться ему такой страшной. Капитан всегда считал, что умирать легко. Особенно ради высокой цели. Как оказалось, не так-то просто...

Ожидание смерти само по себе являлось невыносимой мукой, но ещё тягостнее было осознавать, что первый блин вышел комом, что попытка покорить Космос, о коем с замиранием сердца мечтали многие поколения, потерпела неудачу...

При мысли о том, как будут радоваться этому провалу миссии «Коммунара» американцы, у него кулаки сжимались сами по себе.

Но как же всё-таки не хочется умирать!..

Глядя на стремительно удаляющуюся колыбель человечества, на раскинувшуюся на одной шестой части суши страну победившего социализма, Василий вспомнил жену и дочь – двух самых любимых людей. На сердце сразу потеплело, и волнение схлынуло. Пропали дрожь и смятение. И даже смерть показалась не такой неприглядной. Любовь сделала то, что не удалось идеологии.

Командир неожиданно понял, что умирать действительно легко. Но не за химерные идеалы, а за конкретных людей, за свой дом и родную землю. И это открытие окончательно победило страх небытия. Пусть Василию Дерюгину и суждено умереть, но он всё равно будет первым. Самым первым...

Капитан сомкнул веки и расслабился.

Смерть необходимо встречать достойно.

Как и подобает мужчине...

Один шанс на миллион

За пять дней до Рождества погода в Сиэтле окончательно испортилась. Небо над городом затянуло тяжёлыми тучами, которые походили на грязные, свалывшиеся клоки ваты. Из туч периодически сыпал снег. Мягкие хлопья сменяла колючая ледяная крошка. Злой пронизы-

вающий ветер постоянно менял направление, как будто не в силах определиться куда дуть. С фьордов веяло сыростью. Столбик термометра не поднимался выше отметки в девятнадцать градусов по Фаренгейту. Серый неприветливый день...

Под стать гадкой погоде было и настроение Карла. Такое же мрачное. Он стоял у окна и, прижавшись лбом к стеклу, рассматривал свинцовые воды Пьюджет-Саунда. Снег бил в стекло свирепо и с немалой силой. Но пробить тонкую прозрачную стену не мог, оставляя после себя водяные разводы, искажавшие перспективу. А ещё снег дарил холод, который помогал справляться с пожаром в голове. Стоило лишь коснуться кожей стекла, как пламя лихорадки сразу слабело, прекращало изводить измученный пневмонией мозг. К сожалению, холод приносил лишь временное облегчение. Справиться с миелодисплазией он не мог. Как и врачи Центра исследований в области онкологии имени Фреда Хатчисона.

Проклятая болезнь пожирала Карла изнутри. Словно голодный зверь вгрызалась в плоть, рвала жилы и ломала кости. Боль сводила с ума, заставляла скрежетать зубами от осознания собственного бессилия. Было чертовски трудно свыкнуться с мыслью, что ничего нельзя сделать для того, чтобы победить болезнь...

Он старался не отчаиваться, не сдаваться, с оптимизмом смотреть в будущее, но стремительно прогрессирующая болезнь без особого труда выдёргивала робкие ростки веры.

Принуждала всё глубже погружаться в чёрный омут отчаяния и безысходности.

Лёгкие горели огнём, в голове шумело, будто в неё запустили пчелиный рой. Перед воспалёнными от недосыпания глазами то и дело мелькали разноцветные искры. Кашель душил, ещё больше приумножая страдания. Каждый форсированный выдох болезненным эхом отдавался во всём теле. Врачи рекомендовали постельный режим, однако Карл пренебрегал их советами. Его угнетало бездействие. Он презирал лень и ничегонеделание.

Весь жизненный путь Карла представлял собой ни на мгновение не прекращавшуюся борьбу с собственными страхами и тревогами, серостью толпы, обскурантизмом, ложью и обманом. Находиться в постоянной боеготовности было тяжело, а порой вовсе невыносимо, однако он никогда не опускал рук. Сражался даже тогда, когда шансы на успех казались прозрачными. Карла манили не соблазны и прелести окружающего мира. Истинное наслаждение дарила ему лишь наука и параноидальное мышление, которое по степени воздействия на воображение превосходило любую фантазию...

Холод отрезвлял, рассеивая мутный туман, клубившийся в голове, но вернуть былую ясность мысли не мог. А ему как никогда требовалась светлая голова. Так много ещё хотелось сделать, столько воплотить в жизнь! Отведённого человеку срока мало, чтобы познать мир и через это понимание реализовать себя.

Природа не раскрывает свои тайны сразу и навсегда. Разгадку ещё нужно заслужить, доказать своё право на истину. А обрести знание можно только посредством постоянного самосовершенствования и безостановочного его поиска. Ведь знание – это главный ресурс цивилизации, а наука в её различных исторических формах – единственная гарантия существования человека...

Гадкий шум в голове мешал сосредоточиться. От него мысли, будто губка водой, напитывались тяжестью.

Два года мучений и бескомпромиссной борьбы с болью. Незначительные победы на фоне общего угасания организма. А ведь Карлу было всего шестьдесят два. Самый продуктивный возраст, и вместо того, чтобы всецело отдаться науке, он вынужден тратить силы на противостояние миелодисплазии, расходовать драгоценное время не на поиск истины и обретение нового знания, а на войну с недугом.

Ветер усилился. Под его напором стекло мелко вибрировало. Дрожь передавалась Карлу, но он не спешил убирать голову. Стоило только сделать это, как горячка тотчас же напомнит

о себе. Вонзится в мозг сотней раскалённых иголок, рванёт канаты нервов, отзовется тяжёлым надсадным кашлем. Мысли начнут путаться, а это злило.

Он грезил Контактom. Не мог предать Джона Картера – героя безудержных космических фантазий Эдгара Райса Берроуза. «Барсумская» серия о Марсе заронила в душу девятилетнего бруклинца веру во встречу с внеземным разумом. Особенно сильно тогда поразило маленького Карла одно выражение – «стремительные луны Барсума». Именно оно открыло возможность существования миров, сказочно непохожих на бесцветный опротивевший Бруклин.

Детское увлечение со временем не исчезло, а окрепло и трансформировалось в новое направление – экзобиологию.

Он балансировал на грани между классическими лабораторными методами и смелыми догадками научной фантастики. Как больно ранило его отсутствие конкретных доказательств существования внеземной жизни! Как сильно задевало, что экзобиология оставалась на положении научной теории с сильным привкусом романтики. Как горько было из-за насмешек коллег...

Часто приходилось, отстаивая свою точку зрения, отбиваться от нападков. Нравы в академической среде царили ещё те... Для пропаганды своих взглядов приходилось много ездить по стране и выступать перед людьми. Его умение привить чарующую притягательность звёзд далёким от науки народным массам раздражало многих. Карлу завидовали, его боялись и над ним смеялись... Но, доказывая своё право на владение Истиной, он нашёл в себе силы выдерживать все испытания.

Карла вела надежда – качество, благодаря которому и состоялась человеческая цивилизация. При всяком удобном случае он напоминал себе, что открытие жизни на другой планете станет не только самым потрясающим событием в науке, но и вехой в истории человеческой цивилизации. При мысли о том, что внеземные цивилизации отнесутся к людям благосклонно и не откажутся поделиться секретами своей долговечности, Карл испытывал благоговейный страх.

Увлечение Космосом приобрело черты религии. С той лишь разницей, что место Бога занимали инопланетяне. Карл был убеждён, что в глубинах Космоса существуют цивилизации с более долгой историей и более развитой техникой, которая землянам будет казаться волшебством. Даже в слово «Космос» Карл вкладывал куда более глубокий смысл, чем просто «космическое пространство». Космос воплощал всё сущее, всеобщий порядок вещей и гармонию Универсума.

Карл подцепил «заразу» – любовь к Космосу – в раннем детстве, когда впервые глянул на звёздное небо. Усеянный серебристыми искорками угольный купол закружил ребёнка голову, зажёл в сердце огонь любопытства, настолько впечатлил, что мальчик дал себе слово узнать о Вселенной всё. Всего познать не получилось, но зачерпнуть горсть знаний он всё же сумел. Ведь, если долго слушаешь звёзды, то рано или поздно космические шумы сложатся так, что сердце невольно дрогнет и забьётся в унисон с миром. Вокруг достаточно поводов для благоговейного изумления. Природа куда более изобретательна в отношении чудес, чем человек...

Вера в наличие внеземных цивилизаций опьяняла Карла. Он спал и видел, как носители инопланетного разума протягивают землянам руку, как делятся знаниями, как открывают перед человечеством новые горизонты... Мечта была похожа на бред, однако он не спешил отказываться от неё. Работал с утра до вечера, не жалея себя, и всё для того, чтобы приблизить мечту и грёзы превратить в реальность.

Мечта о Контакте подарила Карлу идею послания инопланетному разуму. Кстати пришла и помощь Линды – жены Карла, профессиональной художницы. От рождения идеи до торжественного прикрепления таблички с символическим посланием в Космос к борту «Пионера» прошло всего три недели!..

Быт двух близких людей был наполнен ожиданием чуда, вероятность которого была ничтожно мала. Один шанс на миллион, что «братья по разуму» всё же отзовутся.

Скептицизм разума и вера сердца...

По мере того, как Карл открывал для себя Космос, его вера в Контакт только крепла. Образы, навеянные Барсумом, заставляли его вновь и вновь устремлять свой взгляд в небо. Карла нисколько не пугало то, что учёные считали вопрос о внеземных цивилизациях отдалённым будущим, откладывая даже теоретические построения в долгий ящик.

В отличие от коллег, у Карла мысль о Контакте превратилась в навязчивую идею, своего рода фетиш, в котором было так много сверхъестественного, что Карл даже испугался. Он пытался отказаться от мечты, но жажда встречи с «братьями по разуму» оказалась слишком сильна...

Единственной же реальной возможностью Контакта был обмен электромагнитными сигналами...

SETI и METI... Два проекта, на которые Карл возлагал огромные надежды. И оба они не принесли ничего...

Всё чаще Карла посещала мысль, что единственным достоверным фактом, указывающим на наличие разумной жизни в Галактике, был факт бытия человечества.

«Неужели в этом грандиозном мире с его квинтиллионами солнц нашлось место лишь землянам?..» – эта мысль просто леденила душу.

Правота Ферми раздражала, а осознание уникальности человеческой цивилизации страшило. Карл пытался утешить себя, но ничто не обнаруживало хоть каких-нибудь следов... И ни одного доказательства, а лишь мечты и вера, которую наука не принимает – ей нужны свидетельства...

Карл думал о том, что человечество, возможно, не знает об инопланетных способах передачи сигналов. Может статься, что Космос на самом деле пронизан множеством посланий, но люди не могут даже принять их... А возможно, сообщения могут заключаться в довольно знакомых и обычных обстоятельствах...

Проклятая боль! Карл помассировал пальцами виски. Стало немного легче.

Логически допустимо, что земная цивилизация не единственная, но именно она самая передовая и развитая во Вселенной. Эта версия пахла крайним антропоцентризмом, поэтому Карл не мог её принять. Он помнил слова вольтеровского Микромегаса: «Бесконечно малые существа обладают бесконечно большой гордыней».

Разочарование грозило затянуть в бездонный омут. И с каждой минутой сопротивляться ему становилось тяжелее.

Но сердце, упрямо веря в мечту, не хотело сдаваться.

«Человек разумный» лишь в самом начале пути и очень многого ещё не понимает. Из отсутствия сигналов от внеземных цивилизаций вовсе не следует делать вывод об отсутствии их самих. Надо ждать и верить!..

Контакт – лишь вопрос времени!

«Жаль, что до этого момента мне не дожить... Печально!»

Карл смотрел на Пьюджет-Саунд, но видел звёзды и шаровые скопления. Он думал о Контакте.

Из прострации его вывел резкий и требовательный звонок телефона. Карл, с неохотой оторвавшись от стекла, посмотрел на аппарат, ожидая, что тот замолчит. Но телефон продолжал «надирать».

Карл чертыхнулся и подошёл к столу, чувствуя, как боль волнами разливается по телу. Он снял трубку:

– Аллю!

– Господин Саган? Вас беспокоят из НАСА... ОНИ ОТВЕТИЛИ...

Ксеноморф

*Орбита Плутона. Международная космическая станция «Клайд Томбо».
27 декабря 2082 года*

Грязного, заросшего щетиной, уставшего человека звали Свен Карл Рихтер. Всего три дня назад он являлся борт инженером-физиком международного экипажа, а сейчас превратился в испуганное, затравленное животное, над которым довели первобытные инстинкты выживания. Мужчина сжимал в руке кусок металла, отломанный от одной из переборок, и воспалёнными от бессонницы глазами всматривался в темноту, пытаясь обнаружить притаившегося врага. После того, как на станции по непонятным причинам отключилось основное и аварийное освещение, человек мог полагаться исключительно на собственные органы чувств. Да ещё на интуицию.

Смерть товарищей заставила Свена вспомнить то, что помогало выживать его далёким предкам. Другого способа уцелеть во враждебном окружении не существовало. Проклятые твари были чрезвычайно опасны. Их эволюция, ускоренная в сотни тысяч раз, требовала колоссальных затрат энергии, получить которую чужая форма жизни могла только из белков. Ксеноморф разделался с лабораторными животными и продуктами на складе, затем принял за людей, устроив на них настоящую охоту. Космическая станция превратилась в крошечный ад. Члены экипажа нигде не могли найти спасения. Надежда на толстые переборки и массивные двери не оправдалась, поскольку смыслённые монстры использовали тоннели системы воздухообеспечения для передвижения и проникновения в закрытые помещения.

Нереальная тишина, словно в вакууме, вызвала страх, заставляя сердце рваться из груди, а тело покрываться холодным липким потом.

Бортинженер-физик точно знал, что твари где-то рядом, притаились в ожидании жертвы. Ради энергии чужая форма жизни была готова на всё.

Ожидая нападения противника, Свен до хруста в пальцах сжимал металл, постоянное напряжение выматывало и сводило с ума, но помыслить о расслаблении последний оставшийся в живых член экипажа не смел. Это было равнозначно смерти, а умирать Свен не хотел. Он был слишком молод для этого – всего тридцать один...

Да и не имел он права на смерть – над людской цивилизацией нависла угроза тотального уничтожения.

Контакт, о коем последние две сотни лет бредило человечество, всё-таки состоялся. Вот только ничего хорошего он не принёс. Двадцать пятого декабря, в восемь часов двадцать три минуты, командир корабля «Клайд Томбо», никогда не унывающий американец Якоб Самюэль Джонс, следуя программе комплексного изучения Плутона, при помощи дистанционного манипулятора вытащил из облака космического мусора, висевшего на орбите, метеорит семи с половиной сантиметров длиной и трёх толщиной. Чем он привлёк внимание капитана, сказать было трудно. Американец затащил находку на борт. Едва она оказалась в зоне действия сканера биологических форм, сработала сирена. Джонс немедленно поместил метеорит в герметичный контейнер, после чего отправил его в лабораторию.

Углистый хондрит с вкраплениями клеток гетероцист поверг биолога Ван Чжаня в шок. Он никак не ожидал встретить в открытом космосе нитевидные структуры, формой и составом сходные с нитяными цианобактериями и другими прокариотами. Однако ещё большее удивление у исследователя вызвало то, что клетки были не окаменелостями, а вполне жизнеспособными единицами, хотя соединения азота в них отсутствовали. Чтобы исключить ошибку, Ван Чжань провёл ряд тестов и сделал вывод о том, что земное заражение и кристаллизацию можно смело отбросить. Находка тянула как минимум на Нобелевскую премию.

Биолог честолюбивым человеком не был, но превратившийся в сверхдержаву Китай требовал от своих подданных подвигов, которые бы подтверждали реноме. Поэтому Чжань заперся в лабораторном модуле и почти сутки не выходил из него. То, что китайца не было на обеде и ужине, капитан принял спокойно – водился за Ван Чжанем такой грешок, – а вот отсутствие подчинённого на завтраке вызвало у Якоба Самюэля Джонса тревогу, которая ещё больше усилилась по причине того, что китаец отключил систему видеонаблюдения.

Капитан вместе с медиком Даниэлем Санчесом и бортинженером-химиком Лео Сорелем направились в пенаты Чжаня. Каково же было удивление членов экипажа, когда китаец отказался впустить их, мотивировав своё решение наличием широкого фронта работ. Однако капитан не поленился сходить на капитанский мостик за универсальным ключом, отпиравшим все двери на станции, и активировал дублирующую видеокамеру.

Попытка попасть в лабораторный модуль едва не потерпела крах. Ван Чжань, заметив, что к нему ломятся, попытался забаррикадировать дверь. Совместными усилиями трое астронавтов всё же сломили его сопротивление. То, что они увидели, смахивало на кошмар, ставший явью. В герметичном помещении раскинулись настоящие джунгли.

Вид диких растений, совершенно не похожих на земные, испугал капитана. Джонс потребовал у китайца объяснений. Как оказалось, биолог решил провести с клетками ряд экспериментов, в числе которых была и проверка реакции на питательную среду. Как только клетки почувствовали присутствие белка, они немедленно пробудились к жизни. Бинарное деление заняло всего две или три минуты. Результат превзошёл все ожидания – прокариоты получили ядро. Окрылённый успехом, китаец продолжил опыты. Эукариоты трансформировались в многоклеточные организмы, которых сменили наземные растения. Миллионы лет спрессовались в часы...

Чжань нарушил все возможные инструкции, приказы и директивы. Неудивительно, что капитан был зол на китайца. Биологическое заражение – вещь страшная. Словесная перепалка закончилась угрозой Джонса выжечь заразу из огнёмёта, а самого Чжаня отдать под суд. Биолог, посчитавший себя равным Богу, вспыхнул, схватил скальпель и кинулся на командира. Бортинженер-химик и медик не успели остановить биолога...

Человеческая кровь стала катализатором... На глазах изумлённых астронавтов многоклеточные организмы за считанные минуты превратились в завропсидов. Дождаться, как будут развиваться события дальше, Сорель и Санчес не стали. Они со всех ног рванули из лабораторного модуля. Возжелавший собственными глазами лицезреть формирование новых видов Ван Чжань повторил судьбу Перилла из Афин...

Смерть биолога дала эволюции чрезвычайно мощный толчок. Завропсиды ещё больше усложнились и дали начало крайне агрессивным и злобным новым видам. Твари живо распространились по всей станции. Их спутником стал голод.

Чужая форма жизни с каждым часом становилась всё сильнее, а её виды разнообразнее и смышленнее. Твари учились и адаптировались быстро. Люди, мнившие себя венцом творения, вскоре поняли, насколько ошибались...

Из всей команды уцелеть посчастливилось лишь Свену и технику-электронщику Танаке Хироси. В момент пробуждения чужой формы жизни Свен находился в дальнем конце корабля. Помещение было техническим и поэтому не имело системы воздухообеспечения. Свен не сразу понял, что происходит на станции, но шум и крики, мешая его работе, заставили связаться с дежурившим на капитанском мостике Танаки.

Твари «вырезали» практически весь экипаж «Клайда Томбо».

Смерть каждого из астронавтов была ужасной.

Принять смерть товарищей было невероятно трудно. За два года, проведённые на корабле, экипаж превратился в одну большую семью.

При одной мысли о том, что по коридорам «Клайда Томбо» бродят кровожадные монстры, Свена бросало в пот. Несколько раз в двери ударяли, заставляя его вздрагивать от испуга. Обрести спокойствие не помогал и газовый резак, который решил использовать в качестве оружия Свен.

В модуле он просидел почти сутки. Именно настолько хватило воздуха. Свен мог умереть от удушья или попытаться выбраться и, добравшись до ангара с эвакуационными ботами, покинуть корабль, прихватив с собой Танаку.

Стационарный резак пришлось оставить. Астронавт взял с собой большой гаечный ключ, который пошёл в дело почти сразу после того, как Свен покинул свой модуль. В коридоре было темно. С потолка, по которому проходили энергетические кабели и трубы коммуникаций, на Свена свалилась какая-то омерзительно воняющая многоногая дрянь. Её острые когти легко вспороли комбинезон Свена. Заорав, он отшвырнул от себя тварь, но та снова кинулась на астронавта. Ударом ключа он оглушил монстра и начал яростно колотить по нему. Он не мог остановиться даже тогда, когда существо превратилось в кроваво-костное месиво. Исступление являлось платой за страх...

Когда первый шок прошёл, Свен отшвырнул гаечный ключ и брезгливо вытер руки и лицо носовым платком.

Скоро выяснилось, что попасть на капитанский мостик он не сможет. Везде бушевали разросшиеся джунгли с кишачими в них мелкими и опасными гадами, которые, повредив электронную начинку, заблокировали путь к арсеналу.

И помочь японцу выбраться из отсека Свен не мог. Танака оказался в смертельной ловушке...

От отчаяния опускались руки, однако жажда жизни – свойство любого разумного существа – заставляла мозг усиленно искать выход. Свен быстро понял, что экипаж погиб из-за того, что поддался панике. Вместо того чтобы действовать, все хотели просто спрятаться.

Свен сделал несколько бесшумных шагов и остановился, обратившись в слух.

Наличие смертельной угрозы превратило его в специалиста по выживанию в экстремальных условиях. Иначе и быть не могло. Риск стать жертвой способствовал пробуждению родовой памяти. Астронавт даже подивился тому, как легко мозг извлёк из своих недр нужные данные.

Осознание близости врага гнало прочь всякий сон. За время пребывания в своём модуле он так и не сомкнул глаз. Как уснуть, когда рядом бродят твари?

Стараясь не прижиматься к переборкам и аккуратно переставляя ноги, Свен медленно приближался к намеченной цели. Шанс благополучно добраться до отсека был минимальным, но игнорировать его Свен не имел права. Космические аппараты не только могли унести Свена от корабля, но и связать с Землёй. А связь была необходима, потому что колыбели человеческой цивилизации грозила опасность. Жизненный потенциал Ксеноморфа оказался сверх меры велик. Если убитые астронавты так повлияли на генезис пришельца, то что будет, когда он доберётся до Земли?..

Каждый шаг стоил Свену сотен нервных клеток. Чересчур богатое воображение услужливо подсовывало мерзостные картинки, от которых к горлу подступала тошнота. Сотня метров до эвакуационных ботов превратилась в тысячу километров. Темнота, вытаскивая наружу потаённые страхи, словно насмехалась над ним.

Он думал, что если бы Ван Чжань уничтожил находку сразу, то никто бы не пострадал. Во всём виновата проклятая наука и дурацкое человеческое любопытство. Что дороже – человеческая жизнь или приподнятая завеса над одной из тайн?

Где-то вверху раздался подозрительный шум. Инстинкты сработали быстрее мозга. Свен резко отпрянул, сделав шаг назад. Из шахты воздухообеспечения, резко контрастируя с тьмой, показался фосфоресцирующий червь. Сканируя коридор, он не меньше вечности водил по сторонам голым концом, а затем нырнул обратно в тоннель.

Свен понял, что Ксеноморф экспериментировал со своими созданиями.

«Чёртов коридор! И когда же он закончится?»

Свен потерял всякое ощущение времени. Да и ориентироваться в чернильном мраке было почти невозможно.

Контроль над чувствами с каждым мгновением слабел.

Но он решил, что, пока бьётся сердце, будет сражаться. Если бы люди пасовали всякий раз, когда сталкивались с трудностями, то земная цивилизация не состоялась бы. Но человечество живо до сих пор.

Шум за спиной заставил Свена подпрыгнуть на месте и обернуться.

Будто керамическими палочками стучали по металлу, но это были вовсе не палочки...

Сердце астронавта сорвалось в пропасть. Свен бросился бежать.

А затем произошло то, что согласно законам Эдварда Мёрфи должно было рано или поздно случиться.

Мощный удар в грудь вышиб из лёгких весь воздух и бросил беглеца на пол. Из-за острой боли до Свена не сразу дошло, что он налетел на дверь ангара с эвакуационными ботами. Осознав радостную новость, Свен, игнорируя болевое раздражение, вскочил и с силой ударил по кнопке...

Механизм с автономной системой подачи энергии отпер двери.

Путь к спасению был открыт...

Вадим Громов

Взгляд

– Я говорил тебе, что ты необычная девушка? – Ричард остановился и привлёк к себе Лили, вдыхая манящий аромат её каштановых волос.

– Необычная в чём? – она игриво посмотрела на него и ответила на короткий поцелуй.

Звёзды отражались в воде, превращая небольшое озеро в изысканный ковёр, в котором танцевали, словно нанизанные на тонкие струны лунного света, светлячки далёких звёзд. Лёгкий вечерний ветерок пронёсся над парком, тревожа сонные верхушки деревьев и заставляя их отвечать на это прикосновение нежным шелестом и грациозным неподвижным танцем.

Ричард лёгким движением руки убрал непослушный локон с виска девушки и чуть задержался, наслаждаясь этим прикосновением.

– Сложно объяснить. Ты необычна во всём – во взгляде, весёлом, но в то же время глубоко и немного грустном, в улыбке, заставляющей мир играть новыми неповторимыми красками, в голосе, который легко может свести с ума и заставить потерять счёт времени, в смехе, который красивее всех песен птиц и любых звуков на этой земле. Ты необычна. И я люблю тебя.

Парк на долю секунды озарил яркий белый свет, исчезнувший так же быстро и внезапно, как и появился. По сияющему ковру озера всё так же пробегала едва заметная в лунном свете рябь, деревья всё так же неспешно переговаривались друг с другом на только им ведомые темы. Не замечая ничего вокруг, обнявшись, Ричард и Лили стояли на окраине городского парка. Ритм их сердец и тёплое дыхание в унисон позволяли вести диалог без слов.

– Пап, пап, смотри! – маленький Томми соскочил с кровати и подбежал к окну, его разбудил яркий всполох света на небе. – Смотри, там фея! – он боялся обернуться и потерять из вида то, что заставило его вскочить с тёплой постели посреди ночи.

Мужчина устало вздохнул и медленно подошёл к сыну. Обняв его за плечи, он окинул взглядом вид из окна – несколько низких домиков с уже выключенным светом, небольшой лес вдалеке, дорога, уходящая в ночь, и мигающий фонарь напротив. Небо было ясное – казалось, каждую звёздочку можно взять в руки и растопить, словно снежинку.

– Где? Покажи, – отец посмотрел на маленького сына.

– Ну вот, – надулся тот. – Ты пришёл, и она исчезла...

– Наверное, она не любит взрослых, – улыбнулся отец.

– Кто?

– Фея. Давай ложиться спать, уже поздно.

– А когда мама приедет? – спросил Томми, пока отец накрывал его одеялом.

– Завтра, малыш, завтра.

– Может, она тоже видела фею? – с надеждой в голосе спросил мальчик.

– Она у нас с тобой сама фея, добрая и ласковая...

Ричард и Лили смотрели на размытую дорожку, оставленную отражением луны в серебристой воде. Обнявшись, они наблюдали за танцем звёзд-светлячков на её поверхности. Казалось, ничто не могло нарушить их единство, единство двух любящих людей – ведь это чувство сильнее любых обстоятельств и шире любых расстояний. Оно связывает два сердца воедино и, словно родник, питает внутри каждого человека озеро жизни, без которого немислима душа...

Всё это ощущал Ричард, когда его сознание заволокла белая густая пелена, а тело внезапно ощутило страх свободного падения, и окружающий мир перестал существовать.

По сияющему ковру озера всё так же пробегала едва заметная в лунном свете рябь и деревья всё так же неспешно переговаривались друг с другом на только им ведомые темы. Но парк сейчас был пустынным, и ничто не напоминало о том, что несколько мгновений назад на этом месте стояли, обнявшись, двое.

Сознание возвращалось мучительно. Тысячами осколков в голову вбивалась пульсирующая тупая боль, не давая возможности ни вспомнить происшедшее, ни понять настоящее. Лишь волной, разбивающейся об истощённые обрывки мыслей, нахлынуло чувство нестерпимой потери.

– Лили!

Ричард резко сел, но уже через мгновение пожалел об этом. Боль с новой силой, сжав виски, захватила сознание. Окутанный осколками боли, Ричард снова позвал:

– Лили! – голос показался чужим, будто не принадлежащим ему.

Он даже не был уверен, что произнёс хотя бы звук.

Сознание снова заволокла белая жгучая мгла.

Очнувшись во второй раз, Ричард осмелился открыть глаза. В лицо ударил яркий белый свет, заставив его прикрыться ладонью. Сквозь пальцы Ричард пытался опознать окружающие его вещи. Вещи... Если бы его взгляд нашёл хоть что-то в белом мареве этого безумия, Ричард, наверное, возликовал бы. Но вокруг без единой тени слабо пульсировала кристальная белизна.

Чуть привыкнув к свету, Ричард убрал руку и осмотрелся. Боль продолжала сверлить его затылок, но либо он уже привык, либо Провидение решило пощадить юношу – на сей раз он не терял сознание от любого движения.

О размерах помещения судить было невозможно – какие-либо ориентиры отсутствовали напрочь. Форму (комнаты?) было также невозможно определить. Всюду, куда ни кинь взгляд, была лишь абсолютно однообразная белая дымка.

– Лили! – Ричард заставил себя встать. – Чёрт возьми! Лили, ответь, умоляю!

Голос казался глухим, будто белая пелена скрадывала звуки. Ричард сделал два шага, вытянув руки. Ощущение было такое, словно он шёл в крошечной тьме, которая была светлее любого дня.

Сколько он здесь? Час? День? Время, как и расстояние, перестало существовать. Часы на его руке остановились в 23:48. Мобильный телефон не подавал признаков жизни – он был полностью разряжен, словно из его батареи вмиг вытекла вся энергия.

Но окружающее волновало Ричарда гораздо меньше, нежели одна-единственная мысль, занимающая всё его внимание.

– Лили! – в очередной раз позвал он, до боли в глазах вглядываясь в слепящий мрак.

Сделав ещё несколько шагов вперёд, Ричард наконец ощутил опору – его руки почувствовали сопротивление. Это ощущение было настолько неожиданным, что он отпрянул. Ричард мог поклясться, что не видит перед собой ровным счётом ничего, так же, как и две минуты назад. Медленно сделав шаг вперёд, он вновь протянул руку и на этот раз изучающе коснулся преграды. Ощущение нельзя было сравнить ни с чем – на ощупь абсолютно гладкая поверхность была так же неосязаема, как и неотличима на глаз от окружающего. Её присутствие выдавало лишь едва заметное тепло.

Случившееся в следующее мгновение было настолько неожиданным, что у Ричарда перехватило дыхание. Краем глаза слева он заметил мимолетное движение какого-то пятна, отличающегося от окружающего марева. Повернувшись и сосредоточив на нём взгляд, Ричард увидел нечто прозрачное и бесформенное, чуть подрагивающее по краям. Открывающаяся дверь? Экран? Посетитель? В отсутствие каких-либо ориентиров Ричард не мог определить ни форму

объекта, ни расстояния, на котором находилось пятно. В следующую секунду пятно начало темнеть и... опадать! Очень быстро оно потемнело полностью и превратилось в небольшой чёрный холмик на полу, который, словно колодец посреди снежной пустыни, абсолютно выбивался из окружающего. Подождав немного, Ричард медленно направился к чёрной точке. Сейчас больше всего на свете он хотел найти Лили, думая: «Здесь ли она? В сознании ли? Ищет ли его точно так же?» Он уже предполагал, что единственной возможностью выбраться отсюда был тот путь, по которому пришло это пятно (если, конечно, оно не появилось ниоткуда, о чём Ричард старался сейчас не думать).

Идти пришлось недолго – уже примерно через двадцать шагов он склонился над очень мелким чёрным порошком, который при любом движении быстро растворялся. Он мигом проникал в поры кожи, покрывая руки чёрной пылью, и очиститься от неё не представлялось возможным.

Потратив всего несколько мгновений на изучение неизвестного объекта, Ричард поднялся и, поборов нахлынувший приступ голода, на ощупь снова пошёл вперёд, как он предполагал, по направлению движения пятна.

– Лили, ты здесь? – крикнул он, не думая, что крик может привлечь недоброжелательное внимание хозяев этого места. Ему было всё равно.

– Лили, ответь!

Пальцы Ричарда нащупали тёплую субстанцию стены, и он последовал направо, вдоль неё.

– Ричард!

Голос Лили, раздавшийся с правой стороны, заставил его на мгновение остановиться, а затем, забыв обо всем, Ричард кинулся вперёд.

– Лили, милая, где ты?

– Я здесь! Вокруг ничего нет, только две кучки пепла позади меня.

В этот момент он натолкнулся на препятствие и был отброшен на метр назад. Потирая ушибленную руку, Ричард крикнул:

– Лили, оставайся на месте, я пытаюсь найти дорогу! Ты в порядке?

– Да, голова только болит. А ты?

– Я тоже в норме, – Ричард снова шёл на ощупь, пытаясь обнаружить проход. – Не волнуйся, я найду тебя!

Выход появился так неожиданно, что он, видя перед собой всё то же белое свечение без каких-либо ориентиров, потерял равновесие и упал вперёд.

– Ты ещё здесь? – Ричард поднялся на ноги.

– Да, милый, я стою на месте.

Голос теперь раздавался совсем рядом.

– Я уже близко, – ощущая под ладонями однообразное тепло, он пошёл быстрее.

– Милый, мне страшно.

– Не переживай! Очень скоро мы выберемся отсюда.

– Ты обещаешь? – в голосе Лили слышались слёзы.

– Да, да, обещаю. Я люблю тебя, слышишь? Всё будет хорошо.

Проклиная белую пелену, от которой болели глаза, Ричард продолжал идти наощупь. Он никогда не думал, что можно оказаться слепым в ярко освещённом пространстве. Сделав ещё несколько шагов, Ричард заметил движение какого-то силуэта, который скрывала неосознаваемая стена. «Коридор! – догадка пришла неожиданно. – Я вышел в коридор, оставив позади комнату, в которой оказался. Лили, должно быть, находится в соседнем помещении!»

– Я вижу тебя! – зашагав увереннее, Ричард через секунду увидел девушку, которая стояла, подавляя дрожь.

– Лили, милая! – Ричард бросился к ней, и они крепко обнялись.

Ричард вдыхал запах волос Лили и, боясь отпустить, прижимал её к себе.

– Мне было так страшно, – шептала она. – Я думала, что больше никогда не увижу тебя... Я уже даже расхотела жить...

– Всё хорошо, – Ричард целовал холодные от пережитого ладони Лили. – Теперь всё наладится...

Обнявшись, они простояли несколько бесконечно долгих счастливых секунд. «Мы снова вместе, – думал он. – Даже если мы не выберемся отсюда, это не важно. Мы вместе, и не имеет значения где».

Всё же любопытство и инстинкт самосохранения дали о себе знать, и Ричард начал задумываться над их дальнейшими действиями.

– Лили, нам надо выбираться отсюда. Не знаю, где мы и что произошло, но мы обязательно найдём выход. Я примерно понял планировку этих помещений, поэтому теперь мы сможем передвигаться быстрее. Мы находимся в небольшой комнате, а впереди нас коридор.

Ричард крепко сжал ладонь любимой, и они медленно вышли из комнаты. Оказавшись в коридоре (это было очень относительное понятие, так как белое марево было совершенно однообразным и не давало ровным счётом никаких ориентиров; более того, Ричард не был уверен в своих выводах), они двинулись направо.

Следующее помещение оказалось пустым. Ричард отметил, что расстояние от двери до двери было примерно сорок шагов. Но, пройдя ещё немного, молодые люди вновь увидели странные бесформенные пятна. На этот раз пятна быстро, но плавно меняли свой цвет, становясь то желтоватыми, то сиреневыми, то синевато-зелёными. Зрелище было весьма красиво, но полюбоваться им не получалось – как только молодые люди вглядывались в пятна, те начинали чернеть и опадать, оставляя на полу лишь кучку мелкого пепла. Увидев это, Ричард спросил:

– У тебя в комнате было два чёрных пятна... Они вели себя так же?

– Да, сначала я увидела одно, которое тут же растаяло. Затем появилось второе. Мне показалось, оно слегка посерело, когда приблизилось к тому, что осталось от первого. Потом растаяло и оно.

У Ричарда неуверенно начала вырисовываться догадка о происходящем.

– Хорошо, пойдём дальше. Не бойся.

Оказалось, два встреченных ими пятна «вышли» из очередной комнаты; они располагались прямо напротив одной из «дверей». Заглянув внутрь комнаты, Ричард закрыл глаза рукой – они резко заболели от неожиданного контраста. Лили вскрикнула и отвернулась.

Это было похоже на мираж – «комната» была полностью заполнена... садом из земных деревьев, кустов и травы.

После нескольких часов белого однообразия от избытка красок резало глаза, но Ричард различал плодоносящие яблони, груши, поле земляники, различные цветы, дубы и берёзы. Почвы не было – всё росло, казалось, прямо из пустоты и в неё уходило.

У Ричарда закружилась голова, но он, крепко держа любимую за руку, двинулся вперёд. Как только они пересекли границу «комнаты», Ричард едва не потерял сознание от множества ароматов, ударивших в нос. Только сейчас он понял, что всё это время дышал воздухом, абсолютно лишённым всяких запахов. Лили сильнее прижалась и закрыла глаза.

– Странно... – тихо сказала она. – Всё как дома, – в её глазах были слёзы.

Ричард не в силах был произнести ни слова. Осматривая неожиданную находку, они прошли вглубь «комнаты».

– Как ты думаешь, зачем всё это? – немного успокаиваясь, она обвела взглядом окружающее.

– Похоже, мы попали на какой-то ковчег, где нет животных, а лишь мы с тобой и этот сад... Вполне возможно, что мы встретим ещё кого-нибудь!

Реагируя на изобилие плодов, желудок Ричарда справедливо возмутился.

– Ты, наверное, голодна, – он крепко обнял Лили. – По крайней мере, я – да! Давай перекусим немного, раз нам представилась такая возможность.

– Ты угадал, – Лили впервые за это время улыбнулась. – Я готова съесть целую корзину яблок!

Немного подкрепившись, они снова отправились в путь. Покидать сад не хотелось, но ещё больше не хотелось оставаться в этой молочно-белой тюрьме.

Следующие несколько комнат оказались пустыми, а коридор показался бесконечным. Молодые люди уже начали отчаиваться, когда впереди слева показалось что-то чёрное, ярко контрастирующее с кристальной белизной. Нечто, похожее на чёрную полосу, располагалось со стороны, противоположной комнатам коридора.

– Что это? – испуганно прошептала Лили.

– Не знаю, но догадка есть... Подойдём ближе...

По мере приближения чёрная полоска, расширяясь, открыла взорам новую широкую «комнату».

От неожиданности Ричард отступил, а Лили едва удержалась на ногах. Их взглядам открылось... бесконечное звёздное пространство, испещрённое мириадами ярких точек. Не в силах пошевелиться, они смотрели на это полотно, и только спустя минуту обнаружили, что это не что иное, как иллюминатор, который широкой полосой открывал вид вне корабля. «Комната» была наполнена плавно передвигающимися светящимися пятнами, которые переливались всеми цветами радуги. Ричард вдруг понял и воскликнул:

– Лили, не смотри! Закрой глаза!

Она, всё ещё пребывая в шоке, медленно спрашивала:

– Что?.. Поче...

Внезапно пятна начали таять, превращаясь в бесформенные кучи пепла. Сияние их угасало, а движения становились сумбурными...

– Поздно... – в голосе Ричарда почувствовалось отчаяние. – Даже слишком поздно...

В комнате прекратилось всякое движение, остались только лишь звёзды за иллюминатором да безмолвные кучки мелкой пыли...

Ричард и Лили остались одни. Ричард сел, прислонившись к краю невидимой стены, и, обхватив голову руками, сдавленно произнёс:

– Наш взгляд... Мы только что убили весь экипаж корабля...

Эпилог

Лили и Ричард аккуратно собрали и перенесли в сад кучки пепла, оставшиеся от цветных шаров. Делали они это молча и не глядя друг на друга, потрясённые происшедшим. Сложив их аккуратно под большой ветвистой яблоней, они тихо стояли, взявшись за руки. Лили еле слышно произнесла:

– Ричи, любимый, они проделали такой огромный путь, прошли столько трудностей... они... к нам... а мы... да что же мы такое, если от одного только нашего взгляда... эти светящиеся комочки, такие славные... Ричи, как же это!!!? Знаешь, любимый, я хочу, чтобы они жили!

Лили плакала, повторяя сквозь рыдания: «Хочу, чтобы они жили, хочу, чтобы они жили...» Молодые люди стояли обнявшись. Ричард (правда, не вслух, а про себя) повторял те же самые слова, что и его возлюбленная. Слова звучали как истовая молитва о чём-то глубоко сокровенном: «Хочу, чтобы они жили, хочу, чтобы они жили...» Неизвестно, сколько прошло времени, потому что время для обоих перестало существовать. Перестало существовать вообще всё, кроме одного этого желания: «Хочу, чтобы они жили...» Поэтому влюблённые не заметили момента, когда кучки серого пепла начали потихоньку светиться, постепенно снова превращаясь в разноцветные светящиеся шары и плавно поднимаясь вверх.

Молодые люди обратили внимание на происшедшую перемену, только когда множество разноцветных шаров, иногда касаясь людей, закружили вокруг них какой-то необычный хоровод. Удивлению и радости Ричарда и Лили не было предела. И, как ни странно, человеческий взгляд больше не действовал уничтожающе на эти загадочные шары. Пожалуй, даже наоборот, они начинали светиться изнутри каким-то уютным светом, от которого в груди становилось тепло.

Когда первый порыв удивления и восторга угас, светящиеся шары, постепенно замедляя свой хоровод, расположились позади молодых людей. Прямо перед ними как бы из ничего начала проявляться человеческая фигура в необычном для жителей Земли одеянии. Сложно описать черты лица пожилого с длинными белыми волосами незнакомца, можно сказать только, что оно было отмечено печатью мудрости. Речь его лилась очень спокойно и немного обыденно, без той напыщенной торжественности, которую обычно представляют себе, мечтая о встрече с представителями других планет.

Сказано было примерно следующее:

«Межгалактическое сообщество долго не могло решить, к какому виду существ причислить вашу расу. Либо вы безумные разрушители, уничтожающие живое на своей планете. Либо вы – обладающие разумом паразиты, способные лишь к неумному потреблению всего и вся, включая самих себя. При этом внешнее сходство с расой людей не вызывает сомнений. Поэтому была ещё одна версия, что вы всё-таки Люди, но ваш разум поражен неким вирусом, который лишает ваше поведение здравого смысла.

Для окончательного выяснения вопроса к Земле была направлена специальная экспедиция. Перед её участниками была поставлена задача провести эксперимент, от результатов которого зависит, какое будущее определить человечеству вашей планеты. Либо вы подобны вредоносной плесени, и тогда необходима зачистка Земли от тех, кто называет себя людьми. Либо вы всё-таки Люди и имеете шанс со временем войти в Межгалактическое сообщество разумных существ. В этом случае Большой Учёный Совет определит необходимую степень участия в судьбе вашей расы.

Вы, молодые люди, стали участниками нашего эксперимента, который показал неоднозначные результаты. У вас, землян, человеческое как будто спит. В вас обычно бодрствует нечто, не типичное для расы людей во Вселенной. То, что заставляет вас испытывать ненависть и злобу, алчность и страх и затуманивает разум. Паника, охватившая вас на нашем корабле, была столь велика, что ваши взгляды оказались смертельными для представителей дружественной расы. В ваших сказках и легендах эти светящиеся существа носят название эльфов, и теперь наглядно видно, почему на Земле они остались лишь в сказках – ваши грубые эмоции для них смертельно опасны. Но, с другой стороны, сила потрясения от происшедшего с эльфами разбудила человеческое в вас. И сила его столь велика, что смогла возродить несчастных к жизни. Большой Учёный Совет, впервые столкнувшись с подобным случаем, не знает, через какие потрясения должны пройти люди планеты Земля, чтобы в них пробудилось то человеческое, что свойственно вам от природы. Что должно произойти, чтобы вы осознали живущую в вас силу и мощь и поняли всю степень ответственности за тот мир, в котором живёте. Но он верит и очень надеется, что это однажды случится. Мы считаем, что у человечества есть шанс будущего!»

Розыгрыш

Тишину квартиры нарушил звонок в дверь. Кевин улыбнулся и поднялся с удобного дивана – было уже почти три часа, а его друзья – Тим и Сара – задерживались, заставляя нетерпеливо ходить по просторной квартире или лежать и смотреть в потолок.

Он не видел их давно, целых две недели. Всему виной был его переезд – он покинул обжитую и ставшую привычной и родной комнату в Спрингхилл и купил небольшой домик в пригороде Дейтона. Теперь он был ближе к своей работе и мог лучшим образом распределять время, до сих пор съедаемое дорогой до офиса и обратно. Безусловно, в этом были и свои минусы, куда же без них. Например, теперь он реже виделся со своими друзьями, но это не расстраивало Кевина, потому что они обещали заглядывать к нему раз в неделю.

И вот теперь, обустроившись на новом месте, Кевин ждал своих старых друзей – Тима и Сару, которые хотели взглянуть на его новую «нору», как любил называть свой дом Тим. Не зная этих двух замечательных людей, человек мог подумать, что они брат и сестра – настолько они были похожи, но люди посвященные понимали, что на самом деле Тима и Сару соединяют другие чувства. И соединяют давно, почти два года. О свадьбе пока говорили лишь в шутку, но чем больше проходило времени, тем больше краснела Сара при упоминании о бракосочетании, и невооружённым глазом было видно, что если не сегодня-завтра, то через пару месяцев точно разговор об этом будет вести уже Тим и на полном серьёзе. Что же касается Кевина, то он пока что был один, и на вопросы о создании семьи лишь загадочно улыбался.

И сегодня, после всех трудностей, связанных с переездом, друзья наконец-то могли встретиться и в полной мере насладиться обществом друг друга.

Второй звонок прозвучал в тот момент, когда Кевин открывал внешнюю дверь. На пороге стоял Тим, чуть позади – Сара, обнимая своего не-сегодня-так-через-месяц-уж-точно мужа. Тот, улыбаясь, держал в свободной руке большой непрозрачный пакет, и улыбка друга стала ещё шире, когда Кевин наконец-то появился в проёме.

– Тим, Сара, как я рад вас видеть! – Кевин крепко обнял друзей. – Проходите быстрее!

– А мы принесли тебе кое-что с новосельем, – сказал Тим, пропуская Сару вперёд. Отставив пакет в сторону и освободив руки, он обнял Сару.

– Ах, так, – шутливо сказал Кевин. – Значит, вас только это интересует? Нет, чтобы со старым другом посидеть, а вы...

Сара показала ему язычок, а Тим, наблюдая эту «перепалку» со стороны, невольно засмеялся.

– Так и быть, – улыбнулся Кевин. – Проходите! И чудо-пакет свой не забудьте.

Через несколько минут, после экскурсии по небольшому, но уютному дому все трое собрались в гостиной и разлили по прозрачным бокалам хорошее бренди – содержимое загадочного пакета.

– Знаешь, а мне понравилось, – Сара обвела взглядом гостиную. – Очень уютно, несмотря на то, что ты живёшь здесь всего несколько дней.

– Да, я чувствую себя просто отлично, будто живу здесь уже год.

– Повезло тебе, – вступил Тим. – А мы вот никак не соберёмся купить свой домик, то ли не хочется менять привычки, то ли боимся прогадать с покупкой... Но сейчас я, например, всерьёз над этим задумался.

– Я рад за вас, – Кевин тепло посмотрел на друзей. – Я ещё не встречал людей, так глубоко понимающих друг друга; и мне кажется, что вам пора уже... сменить статус...

Сара покраснела, – то ли подействовало бренди, то ли слова Кевина, – и смущённо сказала:

– Кевин! Прекрати! Я... мы пока ещё не готовы... Давай лучше поговорим о тебе.

– О нет, обо мне мы уже говорили, когда осматривали дом, – улыбнулся Кевин. – А вот что нового у вас?

– Тим чуть было не сломал себе ногу на тренировке, – оживилась Сара. – Он потом почти неделю хромал.

– Брось, котёнок, – Тим засмеялся. – Это не та новость, которую бы стоило обсуждать за бокалом.

- Да ладно тебе, – Сара коснулась руки Тима и незаметно поцеловала любимого.
- Спорт – дело такое, без травм не обойтись, – Кевин изобразил крайнюю степень озабоченности. – Или ты хочешь, чтобы твой муж сидел перед телевизором дни напролёт?
- Ну уж нет! – надула губки Сара. – Тем более Тим и дня на одном месте просидеть не может.
- Ты всё-таки поосторожней, – сказал Кевин. – Ведь новое тело дадут только через месяц. Тим посмотрел на друга, затем рассмеялся.
- Посмотришь на тебя и ведь поверишь! Надо же было придумать такое!
- Кевин продолжал играть.
- Ты знаешь, Тим, – с серьёзным видом продолжил он. – Нам ещё повезло, что тело агентам меняют бесплатно...
- Теперь уже засмеялась и Сара.
- Знаю, знаю, – решил поддержать Тим. – Но разве в нашем контракте не оговариваются несчастные случаи? Раздел два, пункт шесть дробь три?
- Ого, – засмеялся Кевин. – Ты читал наш контракт перед вылетом на эту планету?
- А то! Ты же знаешь, что с законами надо обходиться очень осторожно, а то придёт целая армия приставов!..
- Сара посмотрела поочерёдно на Тима и Кевина и снова рассмеялась. Игра тем временем продолжалась.
- Значит, ты в курсе, что агент не должен влюбляться в аборигенов? – спросил Кевин.
- В аборигенов! – Сара отставила бокал, боясь, что от смеха прольёт его.
- Знаю, Кевин, знаю, – Тим изобразил задумчивость и раскаянье. – Ну что ж поделаешь, нарушил я наш устав... Теперь выбор небольшой – либо оставаться на этой планете навечно, либо брать с собой Сару и скрываться по всей Галактике от неминуемого суда, – Тим крепко обнял смеющуюся девушку, – но её я никому не отдам! Кстати, когда прилетает наш корабль?
- Через двадцать лет, три месяца и пять дней, – без запинки выдал Кевин. – Так что у тебя ещё есть время одуматься, – рассмеялся он.
- Ну, не надейся, Агент, не одумаюсь!
- Их игру прервала Сара.
- Парни, а представьте, вот сейчас посреди гостиной появится голограмма совершенно жуткого существа, и вы начнёте разговаривать с ним на совершенно непонятном языке... – она взяла бокал и немного отпила. – Наверное, я бы тут же в обморок грохнулась...
- Да не переживай, – успокоил её Кевин. – Никто не явится, и не бойся, люди мы, люди...
- Ага, только, видимо, с больным воображением! – вставил Тим.
- Да уж и не говори, – улыбнулся Кевин.

Через два часа гости ушли, оставив Кевина наедине с новым домом. Он прошёлся по гостиной, поднялся наверх в спальню, затем вернулся и сел на удобный диван. Был уже вечер, а ему столько ещё всего предстояло сделать! Нужно было распаковать оставшиеся вещи, разложить по полкам документы и хотя бы немного прибраться. А затем обязательно связаться с кораблём и узнать про новое тело. Завтра останется всего двадцать лет, три месяца и четыре дня до окончания его контракта на этой планете...

Валерий Казарцев

Место под звёздами

Руководство проекта выражает благодарность автору за рассказ, хотя он и был прислан на месяц позже оговоренного срока и поэтому не принимал участия в конкурсе.

Глава 1

Исход

Когда жизнь вдруг неожиданно резко переваливает за вторую половину, многое начинает видиться в другом свете.

Как прозрение понимаешь, что всё, к чему ещё недавно так упорно стремился – карьера, деньги, женщины, в сущности не имеет смысла перед неотвратимо надвигающейся вечностью. Становится до боли ясно, что все потраченные усилия по сути мышьяная возня и не более, что надо совсем немного: пища, тихий угол и близкая верная женщина. Как это ни странно, всего одна. У женщин другой взгляд на мир, своя философия жизни, которую они даже не осознают, а просто живут. Они принимают мир таким, какой он есть, как данную свыше сущность, и не пытаются подмять его под себя. Я не успел этого понять вовремя, всё казалось, что ещё встречу лучше, красивей, моложе, и потому остался совсем один. Также неожиданно оказывается, что и на работе дышат тебе в затылок более молодые и честолюбивые коллеги, и однажды тебе вежливо выплачивают выходное пособие и поясняют, что в ваших услугах более не нуждаются. Нет, причин для истеричной паники вплоть до суицида, что я наблюдал у многих, оказавшихся в моём положении, я не вижу. Буду жить дальше, радуясь каждому мгновению, что подарила мне судьба. Ведь есть интересные книги и время о многом подумать, да и много всего ещё у меня осталось, чтобы попробовать начать всё сначала.

Земля, старушка Земля, колыбель человечества и полигон для его безумства.

Десятки тысяч ядерных взрывов, аварии на примитивных атомных станциях, захоронённые в океане тысячи тонн боевых отравляющих веществ – это ещё начало. Сегодня только в голографических фильмах можно увидеть непроходимые джунгли Амазонки, экваториальные леса Африки и Большой барьерный риф Австралии, не говоря уже о миллионах простых ручьёв с чистой водой, зелёных лужайках и скверах, белоснежных облаках и простом дожде, от которого не слезает струпами вся кожа и люди не умирают в страшных мучениях. Старушка Земля стала клоакой человечества. То, что сейчас живёт в отравленных водах океанов, нельзя даже классифицировать. Через тысячи мутаций изначальные виды с их метаболизмом изменились настолько, что учёные давно уже не знают и не могут понять – как выстроены у этих монстров цепочки питания, как они размножаются и вообще – что ЭТО такое? Да и на земле, в очередном полуразрушенном тупике бесконечного мегаполиса, среди кучи хлама вдруг зашевелится такое, что у любого поднимутся волосы под шлемом глухого защитного костюма, который по конструкции можно сравнить с космическим скафандром. Человечество спряталось в неприступные крепости-небоскрёбы для сильных мира сего и элиты и уходящие вглубь от поверхности на многие километры бесконечные лабиринты для остальных. В этих лабиринтах можно бродить столетиями. Когда-то здесь ещё было подобие порядка и централизованное подчинение всемирному центру. Постепенно ветшали системы, случались прорывы ядовитых грунтовых вод и обрушения грунта. Люди перебирались в новые, более благоустроенные районы, и десятки километров подземного бесконечного города оставались брошенными, лишёнными энергии и заблокированными.

На самом деле оставались ещё сотни лазеек и разблокированных умельцами шлюзов, и в этих мрачных местах лабиринтов тоже жили люди. Про них можно было сказать почти то же, что и про обитателей океанов. Здесь за глоток воды во фляге на поясе или за приглянувшиеся ботинки не задумываясь перерезают горло. Здесь люди сбиваются в стаи, потому что шансов выжить в одиночку нет. Но, впрочем, это дно, а дно всегда было дном – и 100, и 1000 лет назад, менялись лишь его декорации...

Задыхаясь на Земле, человечество успешно плодится на Марсе и Венере, хотя и здесь сценарий не меняется. В результате лет через 500 и эти планеты превратятся в копию Земли... Хотя это и тупиковый путь, но человечество рвётся к звёздам, надеясь, что новые планеты отодвинут момент его агонии. И если ему не помешают, то через несколько тысячелетий клоакой станет и вся Вселенная.

Человечество рвётся к звёздам. И, наконец-то, уже создан экспериментальный образец подпространственного двигателя, который сделает эти звёзды близкими.

На орбите заканчивается строительство первого звездолёта с гордым названием: «Орёл» – имя давно вымершей мифической птицы. Пока «Орёл» способен сделать только один прыжок в 15 световых лет, но, несмотря на неизвестность и невозможность возвращения, добровольцев для него хватает. Всего на звездолёте 600 мест для учёных и переселенцев и 90 – для экипажа. Предполагается, что, прыгнув к другой звезде с подходящей планетой, с информацией об этом вернётся беспилотный зонд-автомат. Конечно, это авантюрный проект, но человечество рвётся к звёздам. Звездолёт-матка останется на орбите избранной планеты, а вниз на неё уйдут 23 посадочных модуля, по 30 человек в каждом. Изначальные расчёты показывают, что ожидаемые потери здесь составят около 20 %, то есть каждый пятый из них сгорит или разобьётся. Если повезёт, то у планеты окажется подходящая атмосфера, но все готовы к тому, что условия будут самыми жёсткими. Каждый модуль оснащён большим запасом сублимированных и синтетических продуктов, кислорода и воды, мощным атомным реактором и прочими необходимыми для выживания устройствами и механизмами. Предполагается, что сразу после посадки экипаж каждого модуля немедленно приступит к устройству своего убежища под землёй, наладит синтез воды и кислорода из грунта планеты, а также развернёт гидропонные установки. После обеспечения условий первичного выживания планируется исследование планеты реактивными беспилотниками и установление контакта с другими выжившими группами, а также создание единого координационного центра. К жизни под землёй, то есть под грунтом, землянам не привыкать – уже несколько поколений они не видели настоящего солнечного света и мало кто бывал на поверхности. Поэтому ничто не может остановить добровольцев. Каждый из них молится, отчаянно надеясь на встречу с райской планетой, пока ещё не заселённой двуногими животными, считающими себя разумными...

Меня зовут Диме, вольное производное друзей молодости от Демиан. Только где теперь эти друзья? И я уже столько лет не слышал своего полного имени, что если бы кто-то и окликнул меня по-другому, я бы даже головы не повернул. Пока я ещё живу на престижном третьем уровне, где поддерживаются относительный порядок и чистота. Ещё полгода назад я работал начальником конструкторского отдела в институте гидропонных установок и получал неплохую зарплату. Про женщин я уже говорил, что не сумел вовремя выбрать одну, а сейчас у меня есть заботы поважнее, скоро закончатся мои последние сбережения, и я покачусь вниз, как в прямом, так и в переносном смысле.

После долгих размышлений и я решил сыграть в эту безумную лотерею: «орёл – решка». Терять мне нечего, но пока я ещё не попал в число «счастливиц»-кандидатов. Десять дней назад по Сети я подал заявление на участие в проекте и уже почти похоронил эту затею, но вот сегодня пришёл вызов на личное собеседование. Это является событием! Уже несколько столетий все вопросы решаются на уровне Центрального компьютера, который заменил собой

многие службы, в том числе и административно-управленческий аппарат среднего и низшего уровня.

Пройдя десяток проверок службы безопасности, я впервые оказался на первом уровне. Этот уровень является рабочим местом элиты. Здесь находятся лаборатории учёных, их жилые блоки и центры развлечений. Здесь всё сверкает чистотой и роскошью. Описывать всё это долго, и потому скажу одним словом – впечатляет!

Сотрудник службы безопасности проводил меня от лифта в роскошный кабинет, где напыщенный и наполненный важностью чиновник с высокомерным взглядом на холёном лице, даже не представившись, сообщил мне, что я, несмотря на возрастные ограничения, попал в список кандидатов в звёздные переселенцы. Он подчеркнул, что, учитывая мою квалификацию специалиста-гидропоника, а также результаты медицинских анализов, указывающих на сохранившиеся у меня репродуктивные функции, для меня сделано исключение.

Инструктаж длился довольно долго. Я слушал не очень внимательно, потому что всё это есть на обучающем минидиске, который мне вручили ещё в начале беседы. Главной неожиданностью для меня стало то, что все переселенцы подбираются по парам, способным и обязанным к продолжению рода. Пара состояла из специалистов одного профиля, один из которых, неважно, мужчина или женщина, имея более высокую квалификацию, становился главным, а второй обязан ему подчиниться. В моей паре главным был я, а в помощники мне предназначалась некая Ани, в прошлом оператор-программист гидропонной установки. На мельком продемонстрированной голограмме я увидел довольно приятную брюнетку с удлинённым лицом, несколько длинноватым носом и вызывающе наглым взглядом. В заключение инструктажа чиновник подчеркнул, что содержание мини-диска следует выучить досконально. Старт назначен через два месяца. Всё это время кандидаты будут получать приличное пособие. Для психологической адаптации пары должны прожить эти два месяца вместе. И уже завтра Ани переедет с пятого уровня в мой блок.

Под впечатлением увиденного и услышанного я не заметил, как оказался на своём уровне перед дверью своей комнаты. Набрав код, я вошёл и впервые за много лет внимательно осмотрел своё жилище.

– Не так уж и плохо. Шестнадцать квадратных метров, отдельный блок сантехники, голографический экран во всю стену, широкая удобная пневмокровать, встроенные шкафы, небольшой стол с лежащим на нём шлемом входа в Сеть и креслом возле него. Мне здесь было спокойно, – подумал я, почти смирившись со скорыми изменениями в моей размеренной и удобной жизни.

Много ли человеку надо? Мне – нет! Только вот мысли об Ани смущали – давно я не видел женщин... Вспомнив голограмму, я усмехнулся – нагая, но это исправимо, главное чтобы не оказалась истеричкой с визгливым голосом – это худший из вариантов, таких я просто не переносил. Затем отправился в столовую и перекусил синтетикой и гидропонными водорослями, искусно переработанными в имитацию кусочков мяса. Я же спец по этим вопросам и знаю подобную технологию от начала и до конца – красители, вкусовые и ароматизирующие добавки – и пожалуйста, хотите мясо, хотите хлеб, а можно и шоколад – не отличить от настоящего, а впрочем, кто его пробовал-то, настоящий? Но тут же возразил себе – пожалуй, те, из крепостей-небоскрёбов, пробуют настоящее каждый день.

Вернувшись в свою комнату, я разволновался, потому что оставалось всего полчаса до переселения Ани.

В ожидании будущей сожительницы (так я мысленно назвал свою нежданную подругу) я надвинул шлем и опустил стекло голографического экрана. Вставив мини-диск в приёмное устройство, я углубился в изучение меню файлов. Пожалуй, начнём с конструкции звёздолёта-матки. Отдав соответствующую мысленную команду на воспроизведение файла, я

невольно оторопел – в пространстве парил скелет громадной рыбы – это была первая ассоциация, связанная с кораблём. Её головой были командная рубка с жилым отсеком экипажа и тремя посадочными модулями для них. К 10 «рёбрам позвоночника» крепились остальные 20 модулей, а хвост «рыбы» представлял гигантский раструб подпро-странственного двигателя.

Сам прыжок был как бы безвременным, ибо классических законов физики здесь не существовало, а вот в посадочных модулях нам предстояло провести около полу года...

Меня отвлёк аккуратный стук в дверь. Я снял шлем и, приходя в себя, направился к двери. Это была Ани. Она оказалась чуть ниже меня ростом и с правильным женственным телосложением. Ани была одета в простой универсальный комбинезон. В левой руке она держала средних размеров кофр. Я иронично подумал, что там были собраны «самые необходимые вещи» в виде множества памятных безделушек, свойственных особям женского пола.

– Мне сообщили код замка вашей двери, но я не хотела застать вас в неловкой ситуации, – объяснила она.

– Хм, – хмыкнул я, приятно удивляясь контрасту с образом той хамки, что сложился у меня.

– Давай сразу на «ты», – заявил я, – ведь мы теперь партнёры. – И после небольшой паузы добавил, – по выживанию. Мужик я простой и без заморочек. Единственная моя просьба, нет, требование – это вести себя как можно тише. Я не терплю, когда на всю громкость орёт голо-визор, и визжать тоже не надо, даже если ты выиграла миллион во всемирную лотерею, договорились?

Она неуверенно кивнула и со знакомым наглым взглядом задала неожиданный вопрос:

– А как насчёт секса, ты не извращенец?

– Насчёт секса? – я озадаченно поскрёб пальцами затылок. – Я согласен спать в одной постели, а в модуле вообще изображать сиамских близнецов... Опять же, я не требую больше, чем пять минут полежать на тебе. Ну, может, иногда по-собачьи... – нагло добавил я. – Да, вот что ещё: моё кресло не занимай! Я тебе другое притащу, а ты пока располагайся.

Так начиналась наша совместная жизнь. В целом Ани оказалась неплохой женщиной, которую изрядно потрепала жизнь. Родителей своих она не помнила, воспитывалась в приюте – отсюда и этот наглый взгляд, и привычка по-звериному отстаивать себя, да и другие, порой удивляющие меня, странности. Например, я так и не узнал, что она прятала в своём кофре, потому что в нашем общем шкафу я увидел только одно сиротливо висевшее платье да пару универсальных комбинезонов.

За изучением содержимого дисков и совместными походами в столовую да ночной бар (пособие позволяло) неотвратимо приблизилось назначенное время старта.

Как-то ночью, впервые прижавшись ко мне всем телом, Ани тихо спросила:

– Диме, ты очень боишься?

Я долго молчал. Решив, что у меня здесь нет будущего, я не мог сказать того же про Ани. У неё были шансы устроиться на Земле, нарожать кучу детишек и даже перебраться на более престижный уровень.

– Конечно, я очень боюсь, но ты можешь остаться, потому что тебе есть что терять, а мне – нет, а я пройду этот путь до конца.

– Я тоже пойду до конца. Уже поздно что-то менять, и, знаешь, мне впервые в жизни так спокойно и уютно. Спасибо тебе, старый ворчун Диме, – прошептала она.

– За что? – недоумённо спросил я.

– За то, что ты оказался нормальным! Не подонком, не садистом, не извращенцем, а просто нормальным мужиком...

Немного о чём-то повздыхав, Ани тихо уснула, а я ещё долго думал о нашем разговоре, прежде чем провалиться в сон.

С той ночи что-то неуловимо изменилось в наших отношениях. Признав меня своим мужчиной и лидером, она, если и огрызалась на мои замечания, то только для вида и по старой приютской привычке – противостоять всем и всему.

До старта «Орла» остался один день. Ещё с утра нас доставили в сопровождении охраны в подземный космопорт, где впервые собрался весь экипаж нашего модуля. Конечно, ещё за неделю до старта по голограммам мы знали состав своего экипажа. Но совсем другое – видеть человека в реальности...

Командир экипажа Луц и его заместитель Хельма были инженерами высшей квалификации.

Высокий и худощавый Луц был немного моложе меня и с жёстким фанатичным взглядом под седой прядью волос. Хельма представляла из себя яркую, красивую и высокомерную блондинку. Она была лет на десятьмч моложе его.

– Этой-то чего не сидится на Земле? – подумал я. – С такими данными и образованием можно и в элиту пролезть. Впрочем, она именно оттуда, – вдруг осенило меня, и появилось какое-то злобное чувство неприязни. Чего же не хватало этой пресыщенной суке? Может, секса с инопланетянами? – терзал я себя вопросами, не находя ответа.

Техники широкой квалификации – типичная азиатская парочка, Мей и её заместитель Ен. Они, удобно устроившись в креслах, с восточной невозмутимостью о чём-то тихо разговаривали.

В самом центре восседали с огромными рюкзаками и оружием Джон и его подруга Эллис – бойцы спецназа, они же водители вездеходов, разведчики и операторы беспилотников. В своих одинаковых пятнистых комбинезонах типа «Хамелеон» Джон и Эллис были похожи на близнецов, оба выделяясь своими квадратными фигурами и накачанными мускулами.

Слева от нас с раскрытыми специальными ноутбуками, стоящими безумные деньги, пристроилась пара специалистов по компьютерным системам, автоматике и связи – Чо, миниатюрная японка, словно сошедшая с рекламного плаката, и Кен, развязный молодой парень, о чём-то громко с ней споривший.

В экипаже были ещё пары биологов, врачей, геологов и химиков. Были горные инженеры, операторы проходческих комплексов, энергетики, строители и экологи-терраформисты. На случай, если на экзопланете будут обнаружены разумные существа или следы их деятельности, в группу входили пара археологов-лингвистов. Эта пара выглядела особенно экзотично: невысокий и толстый, с выпирающим животом Томаш и очень худая, на голову выше его Софи.

Луц, наверное, получив сообщение на личный коммутатор, скомандовал:

– Экипаж, через 10 минут погрузка в шатл через пятый шлюзовый терминал, сообщая также, что наш посадочный модуль № 14.

Я облегчённо выдохнул, так как терпеть не мог цифру 13 и заранее опасался, что если наш модуль будет № 13, то наши и так ничтожные шансы уменьшатся до нуля и даже без сотых долей процента.

Следуя за группой на посадку, я в который раз оценивал своё решение.

Всё правильно! Чем скитаться по разным уровням и бомжевать остаток своей жизни, лучше принять участие в грандиозном приключении! И я удовлетворённо подумал – умирать, так с музыкой, как говорят русские. Настораживало только, что всё в этом проекте было с добавлением слов: «экспериментальный», «впервые», «только лабораторные испытания» и тому подобное.

По своему немалому опыту я знал – «экспериментальный», значит, всё может пойти совсем не так, «впервые» – значит, обязательно будут отказы систем. Видимо, это понимали и конструкторы, поэтому каждый посадочный модуль был самодостаточной системой и фактически изолирован от других.

В шатле, пристегнув ремни кресла, я вдруг неожиданно осознал, что никогда больше не вернусь в свой родной мир. Пожалуй, об этом подумали все, потому что я заметил растерянность и слёзы на глазах до сих пор невозмутимой Ани.

Три месяца, проведённых в посадочном модуле для выхода в точку старта внутри Солнечной системы, для всех стали непрекращающимся кошмаром. Невыносимая теснота, почти публичное отправление естественных надобностей, ужасный запах и постоянные ссоры, грозящие перейти в общую потасовку... Хорошо, что боевое снаряжение Джона и Эллис было заблокировано в специальном сейфе, который автоматически открывался только при запуске посадочных двигателей.

Я думаю, что мысли об оружии приходили в головы всех членов экспедиции. Лично мне самому невыносимо хотелось поджарить из плазмёта эту суку Хельму. Мне казалось, что именно от неё воняет больше, чем от других, и как-то особенно мерзко.

На втором месяце полёта отказала система жизнеобеспечения модуля № 3, и все его пассажиры медленно погибли от удушья. Когда капитан звездолёта с театральной скорбью сообщил это по головизору, я лишь удивлённо тупо подумал: странно, почему не № 13?

Хельма устроила визгливую истерику с проклятиями в адрес всего и всех, а я еле сдержался от желания свернуть ей шею. Представляя, что творилось в модуле № 3, у меня всё внутри сжималось от непередаваемого ужаса. Автоматика отстыковала погибший модуль и, включив посадочные двигатели, направила его назад, к Земле.

С нашим модулем тоже не всё было в порядке – барахлила экспериментальная установка искусственной гравитации. Когда в первый раз сила тяжести резко увеличилась, наверное, все подумали об участии экипажа третьего модуля, но, достигнув 2,5 единиц, она скачком упала до 0,7. Потом это стало повторяться систематически, и меня не покидала мысль, что однажды нас придавит так, что лопнут все сосуды, на чём наше путешествие и закончится.

Наконец настал день, когда капитан звездолёта обратился ко всем с напыщенной речью о нашей исторической миссии и тому подобной чушью, заявив в конце, что звездолёт занял исходную позицию для включения подпространственного двигателя. Идёт последняя фаза накопления энергии и тестирования всех систем для прыжка, который назначен через два часа.

Все уже настолько устали и отупели, что было неважно, что будет потом – вывернет ли наизнанку, забросит в прошлое или будущее, или вообще в преисподнюю, только скорее бы всё это кончилось, и все 660 человек считали последние минуты в ожидании старта.

Глава 2

Чужая Радуга

Звездолёт выбросило в пространство.

Чуть правее по курсу пылала звезда типа жёлтого карлика – аналог нашего Солнца. Удалось, свершилось, сбылась тысячелетняя мечта всех романтиков и учёных, человечество шагнуло к звёздам. В модулях в разных, порой нелепых позах безжизненно замерли люди, спящие по чужой, бесконечно могущественной воле.

А в это время что-то стремительно менялось около столь желанной для них звезды. Из хаотично вращающихся миллионов астероидов рождалась планета, разрушенная в неведомом прошлом гигантской кометой. Вот она стабилизировалась в размерах и начала вращаться вокруг собственной оси, а также по орбите звезды, как и Земля, на расстоянии около 150 миллионов километров. Постепенно у планеты образовался перламутровый ободок атмосферы. А на поверхности планеты стремительно поднимались горы, ручьи сливались в реки, которые понесли свои извилистые русла к океанам. Миллионы лет формирования Земли здесь прошли как в анимационном учебном фильме за мгновения. Вот уже в девственно нетронутых лесах

зашумели от ветра листья деревьев, зазеленели бесконечные степи с белоснежными облаками над ними. На этом неведомый творец остановился, поэтому не зазвенели в лесах птичьи голоса, не начала плескаться рыба в реках, не застрекотали цикады в травах и не пробралась к водопою пугливая антилопа. Творец не стал усложнять суть того, что хотел продемонстрировать людям. Настало время их пробуждения...

Я открыл глаза, и минуты две, вспоминая всё и осознавая реальность, с трудом приходил в себя. Я лежал на спине на пластиковом полу модуля, и что-то мешало мне свободно дышать. Через минуту я понял, что это голова Ани. Я осторожно выбрался из-под неё и, встав на колени, осмотрелся. Оказалось, что я очнулся первым. Посмотрев на тёмный экран головизора, я усмехнулся – наверное, в первый раз за три месяца меня не доставали бесконечные сериалы и попса на всю громкость. Я подумал: «Что же случилось со всеми во время прыжка и почему нет сообщений из рубки?» И решил найти командира Луца. Его седую шевелюру я заметил у противоположной стены и, перешагивая через тела, направился к нему.

– Луц, очнись, – потряс я его. Наконец тот, застонав, открыл глаза и непонимающе посмотрел на меня.

– Луц, свяжись с остальными и выясни, где мы находимся, – сформировал я главный вопрос, терзавший меня неизвестностью. Наконец он тоже пришёл в себя и посмотрел на панель коммутатора. На панели мерцал зелёный огонёк, обозначающий, что никаких сообщений не поступало. Я помог ему встать, и мы начали будить остальных. Заметив Хельму с растёгнутыми верхними пуговицами комбинезона, я подумал – вот ведь сука, даже во сне кого-то пытается соблазнить, и направился к Ани, но, увидев, что она зашевелилась, пошёл в другую сторону к Чо и Кену, боясь по пути не сдержаться и закатить Хельме отменного пинка для её пробуждения.

Все целы и здоровы, и это уже многое значило. Несмотря на распри, мы были одной командой, в которой каждый знал своё дело и был по-своему незаменим. Сообщений от других модулей по-прежнему не поступало, и все подавленно молчали, предполагая худшее. Я, например, никак не мог избавиться от пугающей мысли, что во время прыжка звездолёт развалился, и остальные модули оказались рассеянными в пространстве. Это означало мучительную и страшную смерть, когда половина из нас за многие месяцы сойдёт с ума, а последние выжившие будут драться за каждый глоток воды и пакет синтетической пищи. Если, конечно, раньше не откажет система жизнеобеспечения, что, пожалуй, в данной ситуации было бы даже лучше. От таких размышлений меня отвлекла засветившаяся голограмма и несколько растерянное лицо командира звездолёта на ней.

– Приветствую вас! Хочу сообщить, что прыжок прошёл в штатном режиме. Все системы работают нормально. Медики пока не могут разобраться, что вызвало сон всех пассажиров в течение почти 25 часов. Поздравляю вас с первым успешным межзвёздным полётом! Это огромный успех и победа всей человеческой цивилизации...

Я терпеливо ждал, когда же из пафосной и как всегда продолжительной речи командира выяснится, в какое дерьмо мы опять вляпались. Однако, к моему искреннему удивлению, в завершение прозвучало:

– По данным Центрального компьютера, планета по своим параметрам соответствует земному типу. На ней имеется атмосфера и присутствует жизнь. Посмотрите данные первичного анализа и съёмку планеты через электронный телескоп.

Голограмма планеты завораживала, сквозь дымку облаков на медленно вращающемся огромном шаре всеми красками сверкали проплывающие горы и океаны, леса, степи, и как я не вглядывался, так и не заметил нигде уродливых пятен городов и других явно искусственных сооружений. Монотонный голос, диктующий цифры параметров планеты, её размеры, плотность, силу тяжести, состав атмосферы и почвы, удаление от звезды, длину суток и года и ещё

десятки показателей никто сейчас не осознавал, все были шокированы только одним фактом, что можно жить на поверхности, ходить без скафандров и купаться в ручьях. Реально представить подобного я как ни пытался, так и не смог, да, наверное, и все остальные тоже.

«Парень, ты, кажется, впервые в жизни выиграл главный приз в лотерее, – пронеслась в голове мысль. – Не гони! – осадил я сам себя, – ещё приземлиться надо, а там посмотрим на свой выигрыш». Ко мне прижалась Ани и тихо прошептала: «Радуга...»

– А что это такое, – спросил я тоже шёпотом?

– Я видела старый голофильм, там шёл дождь, а потом была радуга – она очень красивая, и я хочу, чтобы планету назвали Радугой, – с шальной полуулыбкой, ещё не до конца поверив в случившееся чудо, ответила она.

Ещё 10 мучительных суток, и мы вышли на орбиту планеты. Ани отыскала в памяти компьютера старый голофильм. Привыкнув к непонятному слову «Радуга», уже все так называли планету, на поверхности которой мы должны были приземлиться через сутки земного времени, впрочем, и радужного тоже, так как сутки здесь были длиннее всего на час.

Как прошли эти 10 суток? Стихли споры и склоки. Каждый уже строил планы на будущее, и даже Джона можно было иногда увидеть в спокойном состоянии, не реагирующим на окружающее. Ожидание всегда мучительно, а что оно значило для людей, никогда не видевших солнечного света и даже травы под ногами, – попробуйте представить сами. Меня же, наверное, как самого старого, одолевали тревожные мысли и сомнения – что-то подозрительно нам везёт...

Как сообщил командир звездолёта, для посадки модулей выбрана северная тропическая область с относительно ровным рельефом самого крупного из шести континентов.

Вот и настал долгожданный момент отстыковки первого модуля. Остальные экипажи с тревогой наблюдали за ним по головизору. Оранжево вспыхнули на миг тормозные двигатели, и модуль, похожий на большую застывшую каплю, плавно отошёл от консоли звездолёта. Ещё миг – и двигатели вспыхнули снова, уже на полную мощность. В их пламени появился синеватый оттенок. Модуль начал резко отставать от звездолёта и стремительно уменьшаться, пока совсем не исчез из поля зрения. Как я ранее вычитал в обучающей информации с диска, экспериментальные гравитационные установки модулей во время посадки работали на погашение перегрузки, поэтому модуль практически сразу пошёл вниз, без каких-либо дополнительных манёвров на орбите. Я с тревогой вспомнил об этом сейчас и подумал, что у нас точно будут проблемы. За такими размышлениями я и не обратил внимание, как ушёл вниз второй, а затем и третий модули. Привело в чувство меня только сообщение Центрального компьютера о благополучной посадке первого модуля в 15-ти километрах от побережья.

– Что-ж, эти 30 уже получили свой приз, – мрачно подумал я. – Посмотрим, попадём ли мы в число призёров. – Я прикоснулся к Ани, заморожено смотрящей на экран головизора.

– Как ты? – в который раз заботливо спросил я.

– Я так волнуюсь, что у меня всё сжалось внутри, и я боюсь сойти с ума в ожидании нашей очереди, – с каким-то обречённым отчаянием тихо ответила она.

– Успокойся, от нас ничего здесь не зависит, лучше помолись, если умеешь, – попытался я успокоить её неловкой шуткой. Я как-то незаметно привязался к Ани. Мне нравилась её прямолинейность суждений, показная независимость и гордость, под которыми я давно увидел незащищённость, беззлобный характер и преданность тому, кого она считала достойным своей дружбы, не говоря уже о более близких отношениях. Поэтому, стараясь по мере сил соответствовать её представлениям о достойном мужчине, я сдерживал свои многоуровневые выражения и был с ней по возможности искренним.

Настал и наш черёд испытать удачу и свои нервы.

Застегнув ремни безопасности, все замерли, вслушиваясь в каждый звук. Мягкий толчок отстыковки и мощный рёв двигателей, который почти не глушил корпус, возвестили, что модуль начал торможение, одновременно резко проваливаясь вниз, к мечте по имени «Радуга».

Остальное я помню какими-то отрывками – слишком сильны были эмоции, пожалуй, на грани нервного срыва. Модуль благополучно сел, автоматика разблокировала шлюз, так как от первых экипажей пришло сообщение, что воздух пригоден для дыхания и враждебных форм жизни не обнаружено.

Был полдень. Бездонная голубизна неба, тёплый ветер, ласковый свет солнца, прозрачная вода ручья, которую можно пить ладонями. Багровый закат с непередаваемыми красками, а ночью – миллиарды волшебного мерцающих звёзд. Астронавты ходили с улыбками идиотов на счастливых лицах. Иногда кто-то срывал лист или травинку и долго-долго с отрешённым видом её рассматривал. Утром над ручьём сгустился какой-то газ белого цвета и стало прохладно, но взошло солнце, и облако газа бесследно растворилось, никому не причинив вреда. Моя же эйфория прошла, как только пьяный от счастья Луц сообщил, что все модули сели.

– Почему ВСЕ? Этого просто не могло быть! Ни один не сгорел в атмосфере, ни один не разбился при посадке, – думал я, и тревожное чувство, что это ещё не всё, не покидало меня. Предчувствия меня не обманули...

Ровно в полдень следующего дня вдруг кто-то громко крикнул:

– Смотрите, там человек!

От холмов, метров за 70 от нас, неторопливо шёл высокий человек в белой, резко выделяющейся на зелёном фоне, одежде.

Приблизившись и остановившись метрах в пяти, он позволил нам внимательно осмотреть себя.

Белая, ниспадающая складками одежда, босые ноги, седые волосы до плеч и изрезанное глубокими морщинами лицо. Он был стар, очень стар, и все вдруг поняли, что это НЕ ЧЕЛОВЕК.

– Люди! Галактический союз разумных обращается к вам! – прозвучал у меня в голове голос, а старец при этом даже не пошевелил губами. – Меня сейчас видят и внимают мне все члены вашей экспедиции. За те 25 часов, которые вы спали, мы изучили каждого из вас. Ваше прошлое, настоящее и даже заглянули немного вперёд. Чтобы вам было понятно, я буду общаться с вами привычными вам образами и языком. Когда ваш звездолёт вдруг возник сразу в нескольких наших измерениях, грубо нарушив течение энергетических потоков и симметрию всей галактики, мы решили помочь вам. Без нашего вмешательства вы никогда бы не вышли в привычное вам пространство, так как вас просто растащило бы на элементарные частицы. Но ваша отвага нас впечатлила. Ведь каждый из вас знал, что вероятность выживания менее 30 %. Самая большая ценность во Вселенной – это жизнь, особенно разумная жизнь в гармонии с окружающим Миром. Что касается вас, то уже несколько тысячелетий мы не могли понять, разумны ли вы или ближе к насекомым – термитам, пчёлам или муравьям.

Созданное вами и применяемое атомное оружие положило конец нашим сомнениям, и вы были отнесены к видам с извращённым разумом. Подобным видам не позволено покидать свои звёздные системы. Вы устроили хорошее шоу для всех сотен разумных видов союза, взрослым иногда тоже бывает интересно смотреть на игры детей. Мы создали для вас планету, аналог вашей родины. И вы видите, как она прекрасна! Но мы считаем, что вам надо измениться, потому что агрессия, ненависть и алчность не достойны разумных существ. А цель разума – это создание гармонии и развитие прекрасного. Разумные не плодятся как тараканы. Победив болезни и старость, вы тоже увидите истину.

А теперь займите свои места в модулях. Ваш звездолёт без препятствий, сразу же выйдет на орбиту вашей планеты...

И мы, как бараны, побрели к модулю, заняли свои места и опять провалились в сон без сновидений.

Эпилог

Прошло всего два года, а мне уже кажется, что нашего путешествия к звёздам не было, что это просто плоды моего болезненного воображения. Только Ани, тепло её тела и бесконечное терпение к моим выходкам убеждают меня в обратном.

После приземления мы провели месяц на карантине, так как правительство долго не могло решить, что с нами делать. Наконец, получив десяток электронных подписей о не разглашении информации, нас отпустили. Но теперь каждые две недели мы отмечаемся в Сети и предоставляем спецслужбам отчёт, чем мы занимались это время. Иногда я не сдерживаюсь и пишу, что нахожусь в запое и посылаю их в задницу. Мне сохранили мою комнату на третьем уровне. Всем участникам «закрытого проекта», как именуют теперь наш полёт, назначили небольшую пенсию, так что с голода не умрём.

Из звездолёта «Орёл» на орбите сделали очень дорогой и модный отель с кичливым названием «Под звёздами», в его модулях прорезали широкие окна, и теперь богатенькие дяди могут видеть роскошную россыпь по-прежнему далёких звёзд, и с сытой отрыжкой восторгаться видами Земли, которая с орбиты остаётся такой же прекрасной, как и тысячи лет назад.

На Земле всегда было так: у одних место под звёздами, у других на разных уровнях или на самом дне. Может, ещё и поэтому человечество классифицировано как вид с извращённым типом мышления.

Я сейчас увлекаюсь историей. Изучая прошлое, я мучительно пытаюсь найти ответ, где и в каком времени человечество свернуло не на ту дорогу. Иногда ночью, когда мне особенно тревожно, я спрашиваю Ани:

– Ты помнишь Радугу? – И с тоской о несбывшейся мечте уточняю свой вопрос, – чужую Радугу?

Я – геронт

2-е место в номинации «Через тернии к звёздам»

Прибытие моё в отряд спецназа эхом прокатилось по казарме.

– Дед, ты в каком музее свою пушку украл, а? – допытывался совсем молодой спецназовец с наивно-детским выражением лица.

– Дед, вот койка свободная, товарищ мой месяц назад погиб, – подошёл второй.

– Здесь от прохода подальше, поспокойнее. Только если воздух портить будешь, прогоню, – добавил он мрачно.

– Строиться! – раздался громкий крик дежурного, рядом с которым я увидел сержанта.

Взвод с привычной сноровкой, отработанной тысячами тренировок, неспешно замер в строю посередине широкого прохода между койками. Стараясь не привлекать внимания, я встал в конце строя подальше от сержанта. Тот, двухметровый детина с жёсткими, но правильными чертами лица, с лычками старшего сержанта на плечах устало-равнодушным взглядом окинул строй.

– Вольно, – негромко выдохнул он.

– Ну что, отоспались, отъелись, завтра опять в дело. В 10.00 по местному в полной экипировке погрузка в транспорт. Идём к Синим Горам, там мутанты немного потрепали наших.

– Да, представляю нового члена команды, геронт Вик, позывной придумаете сами.

– Геронт, мой позывной – Бизон, – сказал он, изучающее посмотрев на меня.

– Старшина, обеспечь всем необходимым и проведи инструктаж. Разойдись! – командовал сержант.

– Дед, со мной пойдём, – обратился ко мне круглолицый вояка – грудь колесом, с чуть раскосыми глазами и шевроном старшины на рукаве полинявшей рубашки.

«Старшина, а рубашку потёртую носит, почему?» – подумал я.

– Мягкая, меньше шею трёт, а то жарко здесь. Бывает, и по трое суток не удаётся помыться, – сказал он, заметив мой взгляд.

«Хороший солдат, наблюдательный, не зря шеврон старшины носит», – отметил я мысленно.

– Мой позывной Арбуз, – добавил он.

– А почему арбуз? – невольно вырвалось у меня.

– Эх, где я вырос, нигде больше таких арбузов нету, только ножом дотронешься – он с треском пополам разваливается и светится рубиновыми багровыми искорками... А запах... вкус... сейчас бы попробовать, – он мечтательно прикрыл глаза.

– А какой позывной у того мальчика, что про музей у меня спрашивал? – мне до сих пор трудно было представить, как с таким воодушевлённо-романтическим лицом можно стрелять в людей, а то и просто расстреливать их сотнями, если будет приказ и так сложатся обстоятельства.

– Кай, – пробормотал старшина, – ты держись от него подальше, у него в голове что-то съехало, когда его бабу со второго взвода убили.

– А того, что койку мне предложил?

– Кит, нормальный мужик, миномёт ещё таскает и здорово из него лупит, – добавил Арбуз.

– Ну давай, Дед, думать, что делать с тобой будем? – открывая неприметную дверь оружейной комнаты, задумчиво сказал он.

– Начнём со шлема, в правом углу на забрале координация оружия, захват цели, прицеливание, выбор боеприпаса-чёрт, это тебе не нужно с твоей пушкой, менять не будешь?

– Нет.

– Тогда в левом углу панорама боя, отметки бойцов команды, режимы видения, по центру текстовой дубляж команд...

– Проходили, – остановил я его.

– Комплект белья, комбинезон «Хамелеон», сапоги ЗД-1 (защитные десантные) – хорошую вещь придумали, не натирают, всегда ноги сухие, носки не нужны и запаха от ног не бывает. Недавно поставлять начали, одобряю. Вот это сразу застёгивай и включай идентификацию – он протянул наручный коммутатор специального образца, – в нём много всего наворочено, потом разберёшься. Раз тебя Дедом окрестили сразу, вводи позывной, он на него реагировать будет. Оружие брать будешь?

– Нет, только патронов закажи штук 500, Арбуз, специальных, полицейских по 9 картечин, а то у меня 20 всего, – погладил я чехол своего помпового дробовика ремингтон 870 с укороченным стволом.

– Да их 300 лет не выпускают, ты что, Дед?

– Раз мне оставили это ружьё, значит можно найти, – резонно заметил я.

– Попробую, – недовольно нахмурился он. – А что у тебя ещё есть?

– Десять гранат Ф1, 2011 года выпуска.

– Что? – глаза у Арбуза стали совершенно круглыми. – У них нет предохранителя, таймера, регулятора мощности, ты нас взорвёшь тут всех, офонарел совсем! – испуганной скороговоркой выпалил он.

– Не бойся, в двух звездолётах спецы даже вопросов не задали, а что до электроники – чем проще, тем надёжней.

Минуты две Арбуз молча переваривал услышанное, потом, махнув рукой, продолжил:

– На вот, от меня лично, – он протянул небольшой складной вибронож и пластиковый бронник с разгрузкой в одном исполнении.

– Да, спасибо, всё подойдёт, – это лёгкие и удобные вещи, – заметил я и достал нож из чехла поясного ношения. Нож был великолепен в своей рациональности и с удобной рукоятью.

– Ужин в 19.00 по местному, и ещё вот это сразу возьми, завтра выход – здесь трёхдневный рацион концентратов и фляга для воды.

Притащив всё это барахло к своей кровати и кучей свалив у ног, я завалился спать: всё-таки трёхдневные путевые приключения с двумя пересадками уже не для моего возраста. Продремав часа два и почувствовав себя значительно лучше, начал присматриваться к команде. Так, Бизон, Арбуз, Кай и Кит – ещё восемь человек, из них две женщины – этих-то каким ветром сюда заносит, и как их тут мужики делят? – ворчливо пробормотал я и встал.

Пойду познакомлюсь. Через две койки, спиной ко мне, в майке и шортах сидела рыжеволосая женщина и копалась с обмундированием. К ней я и направился.

– Здравствуйте, позвольте узнать ваш позывной и, если не возражаете, имя.

Она подняла глаза, и я еле сдержался, чтобы не отшатнуться. Лицо имело грубые, отталкивающие черты, неприятное ощущение усилила кривая улыбка.

– Яга, – коротко сказала она в противоположность лицу довольно приятным голосом и встала. Тут я уж совсем открыл рот от таких контрастов: фигура женщины, чуть выше среднего роста, с высокой грудью, узкой талией и великолепными бёдрами, была вызывающе сексуальна. Видимо, это отразилось у меня на лице – она довольно усмехнулась и добавила:

– А имя тебе знать пока не обязательно, это ещё заслужить надо, Дед.

Вот нарвался, сказал я себе, и решил больше не форсировать события.

– Первый взвод, ужин, наше время 15 минут, стол № 7, – объявил дежурный.

Все потянулись к выходу, и я поспешил за ними. Идти было всего метров 50 до низкого и длинного одноэтажного здания, сразу за которым вздымался 5-метровый пластобетонный забор с колючкой наверху.

– Мы же в зоне боевых действий, – перехватив мой взгляд, пояснил ещё незнакомый мне чернявый боец и представился: – Фрукт.

– А почему фрукт? – опять машинально вырвалось у меня.

– Ну, сухофрукт, сушёный чернослив видел?

– Да.

– Ну, я и есть Фрукт, – безапелляционно заявил он.

Я замешкался и не нашёл, что ответить.

Мы взяли подносы с одинаковыми комплектами блюд и уселись за столом. Я оказался предпоследним в ряду, справа Фрукт, а слева блондинка с приятным лицом, но какая-то жилистая и с абсолютно плоской грудью.

– Мери, – представилась она хрипло и деловито принялась за еду.

Так как стол был рассчитан на десятерых, кто-то заблаговременно добавил ещё один стул в дальний от меня торец стола, и там невозмутимо восседал типичный азиат. Заметив мой взгляд, он приподнял кисть руки и произнёс: «Китай». Я кивнул в знак того, что услышал, так как за столом почти не разговаривали. Ужин показался мне неожиданно вкусным, хотя ничего особенного в нём не было: имитация риса с куриной грудкой и кофе с пышными булочками и абрикосовым джемом.

После ужина, уже в казарме, пискнул коммутатор – пришла информация от старшины по боевому построению взвода с фото и характеристикой каждого бойца. Я углубился в её изучение. В дополнение к основной функции боевого стрелка каждый боец взвода имел узкую специализацию: так, Китай оказался водителем Боевого Модуля и стрелком-оператором размещённого на нём комплекса огневой поддержки, а у Мери в арсенале имелась страшная штука

– плазменный огнемёт. Усвоив из всего этого, что моё место рядом с сержантом и я не должен вмешиваться в боевые действия команды до специального приказа, я сосредоточился на целях и общей информации о планете.

Да, эта планета была лакомым кусочком для галактического союза. При минимальных затратах уже через два земных года можно было добывать ещё сохранившиеся полезные ископаемые и получать сельскохозяйственную продукцию. Здесь не надо было начинать с нуля – формирования атмосферы, климата, морей, рек – здесь всё это уже было, а затраты по очистке воздуха и обеззараживанию почвы не казались громадными. От многомиллиардного населения аборигенов-гуманоидов, почти неотличимых от людей, после ядерной войны лет 50 назад осталось несколько сотен тысяч в укреплённых и раскиданных по всей планете посёлках по клановому принципу, в каждом из которых было от нескольких сотен до тысячи особей – на большее не хватало пищи. Процветал каннибализм, и был только один закон – закон силы. Под действием радиации уже во втором поколении люди превратились в безобразных и ужасающих монстров. На первые посёлки рабочих и специалистов Союза сразу начались нападения, те ответили огнём. Так здесь появился спецназ, так здесь появился и я.

Нашей завтрашней задачей была зачистка комплекса старой шахты по добыче серебряной руды, которой, по оценкам геологов Союза, оставалось ещё изрядно, и планировалось возобновление работ.

Отвлёкшись, я увидел, что большинство бойцов взвода уже спят. Я тоже разделся и улёгся в кровать, а мысли завертелись вокруг сегодняшнего моего положения.

Чёрный без всяких украшений треугольник на левом рукаве позволял его обладателю бесплатно жить в любой гостинице, питаться и брать вещи в любом маркете. В космопортах, лишь для приличия приложив палец к сканеру генетического кода, геронт мог следовать в любом направлении вместе с полным боекомплектom и личным оружием, что не позволялось даже спецслужбам. Геронтов сторонились, но и искренне уважали.

Достаточно нарицательным стало, что в кризисной ситуации любой руководитель немедленно отдавал распоряжение секретарю: «Срочно найдите геронта».

Странствующие рыцари 23 века, старики-камикадзе, овеванные божественным ветром смерти, что-то вспомнив из курса истории, иронично усмехнулся я, но нас ведь таких совсем немного.

Геронты высаживались в джунгли неосвоенных планет, испытывали лекарства и новейшие космические корабли, работали глубоко под водой или под землёй, воевали на окраинных планетах и погибали, погибали почти каждый день.

Поступить в школу геронтов было совсем легко, трудно было её окончить.

Симуляторы там были самые совершенные: и реальный вид своих вывалившихся кишок, и оторванных ног с обгоревшей до костей плотью. К тому же всё это подкреплялось болевыми ощущениями. Выдерживали единицы из сотен. Физической подготовке уделялось совсем немного времени, и это было понятно: старик не мог здесь тягаться с молодыми. Конечно, обучали многому, в том числе и обращению со всеми видами современного оружия, но, как правило, геронты выбирали для себя далеко не современные образцы. Их силой была сила духа.

Эх, не надо было днём дремать, да и кофе на ночь пить, теперь если только под утро удастся уснуть. А снотворным пользоваться не хочется – завтра нужна ясная голова, пусть не выпавшаяся, но ясная – первый и, может быть, последний бой. Невольно вспомнились бескрайние поля с волнами колосющейся пшеницы, бездонно-голубое небо над ними и непреодолимое щемящее чувство одиночества и утраты чего-то очень важного в жизни.

Я работал ведущим агрономом в одном из секторов аграрной планеты, и моей основной задачей было получение максимально возможного количества зерна для производства продуктов. Все идеи о генной модификации, казавшиеся лет 300 назад революционными, фантастическое увеличение урожайности и устойчивость растений к болезням и вредителям оказались

мифом. Не хотели перетасованные гены производить полноценное потомство. Оно оказывалось мутагенным или с ещё какими-либо дефектами. Гораздо больше сделала простая селекция. В мои обязанности входил мониторинг обеспеченности растений элементами питания и влагой, защита их от болезней и вредителей, а также создание программ для выполнения работ автоматизированными сельскохозяйственными комплексами. Так и промелькнули годы, дочь и сын, давно став взрослыми, раз или два в год присылали видеограммы, а жена отдалилась, ещё когда дети начали взрослеть.

Конечно, у меня были связи с другими женщинами, но вслед за желанием в очередной раз приходило чувство глубокого разочарования. Всё это было лишь разрядкой сексуального напряжения и не более того.

Постепенно я стал физически ощущать, что старость уже не за горами, а впереди только дом для стариков, где предстояло жить долгие годы как растение и шепелявить беззубым ртом среди таких же ненужных и жалких останков людей. Бесконечные болезни, лекарства и боль во всех её проявлениях... Нет, окончательно решил я, до конца хочу остаться полноценным человеком, а для неизлечимой болезни я выбираю свой способ эвтаназии.

Тогда я и поступил в школу геронтов. Их не афишировали, но знали о них все. Геронты не ищут смерти, она сама находит их – пуля, пространство, вакуум, да мало ли в каком облике можно её встретить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.